

Л

Лесковъ Н.

ЛЭКСИКА [от греч. *lexis* 'слово, выражение'] — совокупность слов, образующих словарный состав языка. Термин «лексика» используется также для обозначения отдельного пласта слов (лексика разговорная, поэтическая, исконная и т. п.) или слов, употребленных каким-нибудь писателем (лексика А. С. Пушкина) или в каком-нибудь произведении (лексика «Повести временных лет»).

В отличие от других уровней языка (напр., звукового, грамматического — см. > **Язык**), лексика включает в себя огромное, трудноисчислимое количество единиц, так как она непосредственно отражает действительность и все изменения, которые происходят в жизни общества, в материальной и духовной культуре народа. В словарном составе русского языка, хотя его ядро и достаточно устойчиво, постоянно протекают

два противоположных процесса: с одной стороны, в употребление входят новые слова и значения, с другой — некоторые слова и значения неизбежно устаревают (см. > **Неологизмы**, **Устаревшая лексика**). Динамика лексики, ее открытость и проницаемость особенно ярко раскрывается при изучении путей формирования словарного состава русского языка. При таком подходе разграничивается **исконная лексика** < (см.) и **иноязычная лексика** < (см.).

Лексика русского языка по-разному используется различными социальными слоями общества, на основании чего выделяется литературная лексика и противостоящие ей **просторечная лексика** < (см.), **жаргонная лексика** < (см.), **диалектная лексика** < (см.). Особую группу (с учетом семантики и сферы употребления) составляет **специальная лексика** < (см.), включа-

◀ Николай Семенович Лесков — самый «филологический» русский писатель XIX в. См. > **Лесков Н. С.** **Язык его произведений**

22

ющая в себя термины, в том числе и узкоспециальные, и профессионализмы.

Несмотря на непрерывные количественные и качественные изменения в лексическом составе, на том или ином этапе относительной стабильности языка между его словами складываются определенные связи и отношения. В этом плане наиболее изучена лексика современного русского литературного языка, что позволяет говорить о ней как об известном образом упорядоченной лексической системе, единицы которой взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Так как слово является двусторонней единицей языка, то его отношения с другими лексемами проявляются на уровне отдельных группировок слов, складывающихся на различных основаниях.

В лексической системе прежде всего соотносятся слова на основе плана содержания, т. е. их лексического значения. В качестве минимального объединения слов выступают антонимы (см. > **Антонимы лексические**) и синонимы (см. > **Синонимы лексические**), напр., антонимическая пара *громкий* — *тихий* (о голосе, звуке), синонимический ряд *громкий*, *оглушительный*, *гулкий*, *громовой*, *громоподобный* или *тихий*, *неслышимый*, *беззвучный*, *слабый*, *приглушенный*. Антонимы и синонимы входят в более крупное объединение слов — > **лексико-семантическую группу** (ЛСГ), в которую включаются слова одной части речи, имеющие общий семантический признак в значении. Так, в ЛСГ 'прилагательные, характеризующие звучание' наряду с указанными выше антонимами и синонимами войдут десятки других прилагательных: *бархатный*, *благозвучный*, *визгливый*, *высокий*, *глухой*, *гнусавый*, *густой*, *звенящий*, *звонкий*, *звучный*, *мелодичный*, *монотонный*, *мягкий*, *напевный*, *низкий*, *певучий*, *пронзительный*, *резкий*, *сладкий*, *трепещущий*, *трубный*, *шепелявый*, *шипящий*, *шумный*, *ясный* и др. (в значении этих слов содержится признак 'звучащий каким-л. образом' или 'производящий, содержащий какие-л. звуки'). Если ЛСГ формируется на основе лингвистических признаков (слова принадлежат к одной части речи, в лексическом значении объединяемых слов присутствует общий признак), то > **тематическая группа** слов складывается на основе их соотносительности с одним и тем же фрагментом действительности. То есть связи предметов, явлений в самой действительности обуславливают группировки слов, которые эти предметы, явления называют, напр., тематическая группа 'музыкальные инструменты' включает в себя слова: *рояль*, *пианино*, *клавесин*, *кларнет*, *саксофон*, *труба*, *флейта*, *виолончель*, *скрипка*, *арфа* и др. Внутри лексико-семантической или тематической группы иерархиче-

ская связь слов проявляется как выражение родо-видовых отношений. Так, в ЛСГ 'существительное, обозначающее звук' родовое понятие (> **гипероним**) выражает слово *звук*, а подчиненные ему видовые понятия (> **гипонимы**) обозначаются словами *дребезжание*, *звон*, *скрип*, *шорох*, *шелест* и т. п. Родовое понятие может быть выражено и сочетанием слов: *духовые инструменты* (видовое понятие *кларнет* или *саксофон*). Самым крупным объединением является > **лексико-семантическое поле** — это совокупность слов, в значении которых выделяется общий признак, отраженный в названии поля. Лексико-семантическое поле объединяет все типы семантических группировок слов, названных выше. Так, в поле «звучания» входят ЛСГ 'существительные, обозначающие звук', 'прилагательные, характеризующие звучание', 'глаголы звучания', среди которых выделяются, напр., подгруппы 'глаголы, обозначающие звуки, производимые различными предметами' (*дребезжать*, *звенеть*, *скрипеть*, *тарахтеть*, *трещать*, *шелестеть* и др.), 'глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми' (*жужжать*, *куковать*, *лаять*, *мяукать*, *ржать*, *рычать* и т. д.), войдет в это поле и тематическая группа 'музыкальные инструменты'.

Между лексико-семантическими полями могут складываться те или иные смысловые отношения, которые опираются на **многозначность** < (см.) слова, входящего в разные значения в разные поля. Так, глаголы звучания *ворковать*, *жужжать*, *мычать*, *ныть*, *лицать*, *скрипеть*, *тарахтеть*, *трещать* употребляются и в значении 'говорить как, каким-л. голосом, произносить особым образом слова, фразы', связывая поле звучания и поле речи.

Если принять во внимание **стилистическую окраску** < (см.) лексической единицы, то можно выстроить иные объединения слов: с одной стороны, слова стилистически нейтральные, с другой — стилистически окрашенные (книжные, разговорные, высокие, сниженные, традиционно-поэтические и т. п.). Так, разговорные глаголы звучания *бухать*, *громыхать*, *тарахтеть* образуют с другими лексемами типа *бубнить*, *водохлёб*, *грязнуля*, *грохнуться*, *докушливый*, *допьяна*, *дурить* один пласт слов — характерных для разговорной речи.

Структура слова, его морфемное строение выявляет еще один тип соотношения слов в русском языке — с учетом словообразовательных связей и моделей, ср. *звон*: *звонкий*, *звонко*, *звонкость*, *трезвонить*, *звонить*, *звонок*, *звоночек*, *звонница*, *звонарь*, *дозвоняться*, *завзвонить*, *обзвонить*, *перезвонить* или *звонить* — *звонарь*, *пахать* — *пахать*, *печь* (пекуче) — *пекарь*.

С точки зрения плана выражения в лексике прослеживаются формальные связи слов, на основе которых выделяются разные виды омонимов и смежные с ними явления: > **омофоны**, > **омографы** (см. > **Омонимы лексические**), **паронимы** < (см.).

Связи слов, основанные на соотношении их лексических значений, называются > **парадигматическими**. Связи слов, основанные на их свойствах соединяться друг с другом в процессе речи, называются > **синтагматическими**. Они зависят:

1 от грамматических характеристик слова (прилагательные легко соединяются с существительными, характеризуют их, но не с глаголами; глагол *передать* выступает в конструкции *что кому*, а *брать* 'добиваться успеха' требует распространения существительным в тв. падеже *брать упорством*, *трудолюбием*);

2 от лексического значения сочетаемых слов (в значениях сочетаемых слов должны быть общие признаки: *рыба плавает*, *клюет*, *дышит жабрами* но не *скачет* или *смеется*); слова, входящие в одну тематическую или лексико-семантическую группу, обнаруживают сходную **лексическую сочетаемость** < (см.); так, наименования обуви — *сапоги*, *туфли*, *босоножки* и т. п. сочетаются со словами: *снять*, *надеть*, *жать*, *малы*, *впору*.

Таким образом, при всей необозримой широте лексического состава прослеживаются определенные закономерности в его организации, в связях и отношениях между его единицами.

цветообозначения в истории русского языка

Цветообозначения, т. е. слова, называющие цвет (в основном это имена прилагательные), — одна из базовых лексико-семантических групп языка. Формирование этой группы обусловлено не только реалиями окружающей действительности, но и субъективным человеческим восприятием и особенностями системы того или иного языка. Напр., в английском языке одним словом (blue) обозначаются голубой и синий цвета; в эскимосском языке существует большое количество названий для белого цвета, потому что этот народ живет посреди снегов и льдов; у ирландцев, в хозяйстве которых издавна большую роль играли пастбища для скота, имеется до 20 названий зеленого цвета. На древней стадии развития большинство народов воспринимали преимущественно не цвет, а свет, различая темные, «ночные» цвета и светлые, блестящие, «дневные».

В основе группы цветообозначений в русском языке лежит исконная, в основном общеславянская лексика: *белый, черный, зеленый, синий, желтый* и некоторые другие. В ходе исторических изменений языка группа обогащается за счет заимствований. Из тюркских языков пришли к нам цветообозначения *лазурный, алый, гнедой, каурый, буланый*; из западноевропейских языков — обозначения многих смешанных цветов: *оранжевый* [из франц. orange ‘апельсин’], которое активно вытесняет употреблявшееся до того слово *рудо-желтый; фиолетовый* [от франц. violette ‘фиалка’], *лиловый* [от франц. lilas ‘сирень’]. Цветообозначения восходят к древним обозначениям признаков (напр., *белый* и *синий* — родственное глаголу *сиять* — первоначально обозначали ‘сияющий, светлый’, *красный* — ‘красивый’) или конкретных предметов характерного цвета (*голубой* от *голубь, коричневый* от *корица*). В памятниках древнерусского языка цветообозначений отмечено немного — около 20. Это названия основных цветов: белый (обозначается словами *белый, бранный*, редко *снежанный*), черный (*черный* и, предположительно, *вороной*), синий (*синий* и *з крый*), желтый (*желтый* и очень редко — *плавый, половый*), зеленый (зеленый), красный. В обозначении красного цвета новые названия *червленый, чермный* (от общеславянского корня *čerъ-/čerъn-) и *багряный* (общеславянское *bagъгъ) вытесняют старые общиндоевропейские слова с корнем *rudh- (ср. оставшиеся в русском языке с этим корнем *румяный, рдеть, рыжий*, существительное *руда* — первоначально ‘кровь’, затем ‘минеральное сырье, содержащее железо’; поэтическое *рдяный*). Наиболее употребительны в древнейших памятниках слова *белый, черный, червленый, чермный*.

В последующий период, особенно начиная с XVII в., возрастает интерес к цвету — и в памятниках, преимущественно деловых, увеличивается количество цветообозначений для называния цвета одежды, тканей, камней, мастей лошадей и т. д. Напр., *алый* (для обозначения цвета тканей и драгоценных камней), *мурамно-зеленый* (для названия цвета одежды, тканей), *карий* (для обозначения масти лошадей, позднее — цвета глаз человека). Появляется большое количество цветообозначений, являющихся по происхождению относительными прилагательными, образованными от названий растений, плодов, продуктов питания, веществ характерного цвета: *вишневый, малиновый, маковый, лимонный, соломенный,*

песочный, крапивный и т. д.; возрастает число обозначений смешанных цветов: *серый, дымчатый, мышачий, дикий* (для обозначения серого), *смаглый, смуглый, бурый, коричневый* (для обозначения коричневого), *рудо-желтый, жаркой, померанцевый* (для обозначения оранжевого цвета).

Происходит образование обобщающих названий цветов. Древнее общеславянское прилагательное *красный*, первоначально имевшее значение ‘красивый, прекрасный’, стало употребляться в качестве цветообозначения со 2-й половины XVI в. Оно довольно быстро вытесняет старые *червленый* и *чермный* и становится доминирующим словом в группе обозначений красного цвета и его оттенков (*алый, багряный, малиновый*, поздние заимствования *пунцовый, пурпурный, бордо* и т. п.). В немногочисленной группе названий синего цвета (*лазоревый, лазурный, бирюзовый*, малоупотребительные *ультрамариновый, кобальтовый*) абстрактным обозначением становится слово *синий*, допуская наравне с собой только прилагательное *голубой*. Некоторые цветообозначения имеют ограниченную сферу употребления и сочетаемость: *карий* — только для обозначения цвета глаз, *смуглый* — кожи, *гнедой, каурый* — мастей лошадей. В современном русском языке группа пополняется в первую очередь за счет сложных прилагательных, обозначающих смешанные цвета (*изжелта-зеленый, киртично-красный*), и заимствований (*кремовый*), в том числе несклоняемых прилагательных (*хаки, самоа, индиго*). От цветowych прилагательных могут образовываться существительные, также обозначающие тот или иной цвет: *силь, белизна, желтизна, краснота* и т. п. Многие цветovые прилагательные в процессе функционирования получили переносные и символические значения: *красный* — революционный, *серый* — ограниченный, неинтересный (о человеке), *зеленый* — молодой, неопытный; ср. также: *черные мысли, розовые очки, голубая мечта* и др. Начиная с XVIII в. и до настоящего времени цветообозначения используются авторами поэтических и прозаических произведений как средство художественной выразительности. Напр., цветообозначения в прямом и переносно-образном употреблении играли исключительно большую роль в поэтическом языке С. А. Есенина: *Выткался на озере Алый цвет заря; Жизнь моя, иль ты приспичила мне? Слово я весенней гужкой ранью Проскакал на розовом коне.* Особенно любил Есенин прилагательные *синий* и *голубой*, которые он использует многократно и в самых разных сочетаниях: *заметался пожар голубой...; вечер синею свечкой звезду Над дорогой моей засветил...; синий, синий мой цветок...; снова выплыл из роуци Синим лебедем мрак...* и многие другие.

ЛЭКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ РАЗРЯД

— группа слов, принадлежащих к одной части речи и имеющих сходство в лексическом значении и в грамматических свойствах.

Так, **качественные и относительные прилагательные** < (см.) являются лексико-грамматическими разрядами прилагательных: они различаются способом обозначения признака предмета (характер лексического значения) и грамматическими свойствами; напр., качественные прилагательные, в отличие от относительных, образуют степени сравнения и краткие формы. Собирательные существительные (см. > **Вещественные, собирательные и отвлеченные существительные**) объединяются в лексико-грамматический разряд на основании сходства в значении (они служат для обозначения совокупности объектов как некоторого единства), которое становится причиной невозможности появления у них форм мн. числа (*листва, ребята* и т. п.).

Грамматические признаки лексико-грамматических разрядов могут быть как морфологического, так и синтаксического типа. Напр., слова, входящие в те или иные разряды существительных, обнаруживают сходство морфологических признаков (связанных прежде всего с категорией числа). Выделение **разрядов наречий** < (см.), напротив, основывается на синтаксической функции последних. Для некоторых разрядов актуальны словообразовательные и морфемные признаки: так, наличие словообразующих суффиксов с притяжательным значением (*-ий/-й* и др.) является одним из важнейших признаков разряда **притяжательных прилагательных** < (см.).

ЛЕКСИКОГРАФИЯ [от греч. lexikos ‘относящийся к слову’ и γραφο ‘пишу’] — раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей.

Корни словарного дела уходят в глубокую древность. На Руси первые словаряки появились в XIII в. С конца XVII в. русская лексикография бурно развивалась и достигла подлинного расцвета. Благодаря деятельности Российской Академии (1783—1841), труду отечественных филологов и лексикографов: **А. Х. Востокова** < (см.), **И. И. Срезневского** < (см.), **Я. К. Грота** < (см.), **А. А. Шахматова** < (см.), **Л. В. Щербы** < (см.), **Б. А. Ларина**, **Д. Н. Ушакова** < (см.), **С. И. Ожегова** < (см.) и их последователей — были не только созданы словари русского литературного языка, но и описан словарный состав русского национального языка во всем богатстве его говоров и социальных диалектов, разработаны новые типы словарей, заложены основы теории лексикографии, динамично развивающейся в наши дни, сформированы крупные лексикографические центры: академические институты в Петербурге и Москве, в ряде вузов страны (в Томске, Вологде, СПбГУ).

В современном обществе словарь является удобной формой обобщения и хранения разнообразной информации не только о языке, но и о мире, что отражается уже в самих названиях книг: «Советский энциклопедический словарь» (М., 1981), «Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах» (М., 1987), «Лермонтовская энциклопедия» (М., 1981), «Словарь культуры XX века» В. П. Руднева (М., 1997). Поэтому необходимо различать > **словари лингвистические** и > **энциклопедические**: в первых описываются единицы языка, во вторых описываются предметы, явления, излагаются сведения о событиях, деятелях науки, культуры и т. п.

Создание лингвистического словаря требует решения ряда принципиальных вопросов: какой словарь будет составлен; какие единицы будут в нем описаны (слова, фразеологизмы, антонимы, трудные случаи словоупотребления и т. п.); как их расположить, чтобы словарем было удобно пользоваться, быстро находя нужную информацию; на основе чего (письменных текстов или живой устной речи) будет сформирован состав описываемых единиц; какие приемы будут использованы для передачи нужных сведений о единице описания; кому будет адресован словарь и др. На подобные вопросы отвечает теория лексикографии, которая обобщает и осмысляет опыт составления словарей, опирается на теоретические знания о языке (прежде всего лексикологию) и проектирует будущие словари. В учении о словарях сложились особые жанры («проект словаря», «инструкция словаря»), особое внимание уделяется принципам формирования языковой базы словаря — картотеке, т. е. систематизированному собранию цитат на то или иное слово, которые извлечены из текстов, отобранных для словаря в качестве источников, и помещены на отдельных карточках (сейчас создаются электронные картотеки).

Одна из проблем теории лексикографии — создание непротиворечивой типологии словарей. Сложность задачи состоит в том, что при характеристике словаря учитываются разные параметры. По количеству описываемых языков вы-

деляются одноязычные, двуязычные, многоязычные словари; по типу описываемых единиц — словари слов, фразеологических единиц, морфем, грамматических форм или сочетаний. Тип словаря зависит и от его назначения. Словарный состав русского языка может быть описан с разных точек зрения: современного состояния языка — современные **толковые словари** < (см.), его развития на разных временных этапах существования — **исторические словари** < (см.), происхождения слов и выражений — **этимологические словари** < (см.), выражаемых в языке идей и понятий — **идеографические словари** < (см.), употребления языка в художественной литературе — **словари языка писателя** < (см.). В зависимости от того, какая разновидность национального языка лексикографируется, складывается еще несколько типов: словари литературного языка, социальных диалектов, просторечия и **диалектные словари** < (см.). Словарям с многосторонней характеристикой слова противостоят словари, в которых описывается один определенный аспект слова: правописание — **орфографические словари** < (см.), произношение — **орфоэпические словари** < (см.), морфемный состав и словообразовательные связи — **морфемные и словообразовательные словари** < (см.), частота употребления в языке, определенном стиле, произведении — частотные словари и др. Выделяются и частные словари, описывающие отдельные фрагменты словарного состава языка, — **словари синонимов** < (см.), **словари антонимов** < (см.), словари омонимов, паронимов, неологизмов, **словари устаревших слов** < (см.), терминологические словари. С точки зрения адресата различаются словари, предназначенные для специалистов, и учебные словари — для школьников и тех, кто изучает русский язык как неродной.

Среди исторических словарей и словарей языка писателей складываются две жанровые разновидности — > **конкорданс** и > **словоуказатель**. Конкорданс — алфавитный список слов или словоформ, представленных в том или ином памятнике (в одном произведении или в творчестве писателя в целом), и соответствующих цитат при нем с указанием страниц. Словарь-словоуказатель — это только перечень употребленных слов (словоформ) с указанием шифра произведения (при необходимости) и страницы, где находится это слово или словоформа.

В последнее время создаются словари, которые стремятся соединить в себе сведения нескольких словарей. Примером может служить «Комплексный словарь русского языка» под ред. А. Н. Тихонова (М., 2001), отражающий 15 аспектов описания слова.

Развитие словарного дела в стране и востребованность словаря свидетельствуют об уровне культуры общества, о самосознании народа, нации, так как в словаре через язык отражается история и культура народа, его представления о мире и система ценностей.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ [от греч. lexis ‘слово, выражение’ и logos ‘учение’] — раздел науки о языке, изучающий лексику и слово как основную единицу словарного состава языка.

Слово в лексикологии (в отличие от фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса) рассматривается с точки зрения **номинации** < (см.), его индивидуального, лексического значения и их типов, связи с другими словами, функционирования (употребления в разных типах текстов, устных и письменных, в разных социальных слоях общества), происхождения. Эти аспекты существенны и для характеристики лексики (см. > **Словарный состав языка**), ядро которой формируют знаменательные слова, имена нарицательные, являющиеся предметом изучения лексикологии. Имена собственные — значимая часть словаря любого языка, они рассматриваются в особом разделе языкознания — **ономастике** < (см.).

Исследование лексики можно вести в разных направлениях, в зависимости от поставленных задач. Выделяется

▷ историческая лексикология русского языка, изучающая историю формирования словарного состава или определенных тематических групп слов, судьбу отдельного слова и закономерности семантических изменений, обусловленных собственно языковыми и внеязыковыми (экстралингвистическими) причинами; ▷ лексикология современного русского языка, которая рассматривает принципы организации лексики как системы, функционально-стилистическую и социальную дифференциацию лексики, реализацию в русском языке таких лингвистических категориальных понятий, как «слово», «лексическое значение», «многозначность», «омонимы», «синонимы», «антонимы», «лексико-семантическое поле», «стилистическая окраска слова» и др.; ▷ сопоставительная лексикология, которая исследует словарный состав двух или нескольких языков с точки зрения общих и отличительных черт. Разграничить сугубо исторический (диахронический) и современный (синхронический) подходы к описанию лексики или отдельного слова в ряде случаев сложно, так как исторические изменения на этом уровне языка могут происходить в течение жизни одного поколения, и даже двух-трех лет.

Лексикология тесным образом связана с изучением фразеологических единиц, создаваемых на базе слов (см. ▷ Фразеология), с теорией и практикой составления словарей (см. ▷ Лексикография); она использует сведения таких лингвистических дисциплин, как ▷ ономасиология — наука о принципах и закономерностях наименования явлений, предметов, **этимология** ◀ (см.) — наука о происхождении слов. С учением о слове, словарном составе языка соотносятся исследования других уровней языка, на познание закономерностей устройства лексико-фразеологической системы опирается стилистика языка и культура речи как особые области языкознания. Теоретические положения лексикологии, представленный в лексикологических исследованиях языковой материал важны для развития новых направлений в науке о языке — лингвокультурологии и лингвострановедения.

ЛЭКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

— такой способ исторического (диахронического) словообразования, при котором многозначное слово (см. ▷ Многозначность) распадается на омонимы (см. ▷ Омонимы лексические), т. е. исторически одна и та же лексема оказывается представленной в языке двумя (и более) самостоятельными словами. Напр.: *коса* ‘заплетенные волосы’ и *коса* ‘отмель’; *свет* ‘электромагнитное излучение’ и *свет* ‘мир, вселенная’; *пороть* ‘разрезать по швам’ и *пороть* ‘сечь’ и т. п.

Появление таких омонимов обусловлено расхождением между значениями многозначного слова и утратой этими значениями некогда существовавших общих смысловых компонентов. Подобное явление всегда является результатом длительного исторического развития, осуществляясь в языке постепенно. Поэтому довольно часто возникают трудности, связанные с разграничением омонимии и многозначности. Так, слова *журавль* ‘птица’ и *журавль* ‘шест у колодца’, *топить* ‘нагревать’ и *топить* ‘расплавлять’, *угодить* (куда-л.) и *угодить* (кому-л.) и др. в одних словарях представлены как омонимы, а в других — как многозначные слова. Такая неоднозначность интерпретации связана с тем, что некоторые исследователи относят к омонимам лишь слова, имеющие разное происхождение: *кормовой* ‘находящийся на корм’ и *кормовой* ‘связанный с кормом’, *рысь* ‘животное’ и *рысь* ‘аллюр’ и т. п. Это мнение не является общепризнанным, поскольку, с одной стороны, историческое языкознание не всегда может дать ответ, разными по происхождению или этимологически родственными являются такие слова, как, напр., *ключ* ‘источник’ и *ключ* (от замка), *топить* ‘нагревать’ и *топить* ‘заставлять тонуть’ и др., а с другой — именно для современного языкознания оказывается важным разграничение значений,

связанных друг с другом, и значений, не имеющих между собой ничего общего, т. е. разграничение многозначности и омонимии. С точки зрения современного (синхронного) словообразования не имеет значения, какое из этимологически родственных слов в подобных парах является производящим, а какое — производным, и соответственно большинство таких омонимов рассматриваются как первообразные (непроизводные).

В современном русском языке наблюдаются отдельные явления, напоминающие процесс «распадения слова на омонимы». К ним относятся регулярные семантические переносы, в основе которых лежит метонимическое сближение понятий (см. ▷ Метонимия). Напр., перенос названия с материала на изделие из него: *медь* ‘металл’ и ‘медные деньги’; с действия на место, где оно происходит: *остановка* ‘действие’ и ‘место остановки транспорта’ и др. Традиционно такие переносы рассматривают как особые значения слова, а не как образование новых слов.

ЛЭКСИЧЕСКАЯ НОРМА — правила выбора слова из ряда близких ему по значению или форме и употребления слова в соответствии со значением, свойственным ему в **литературном языке** ◀ (см.) и уместном в данном контексте. Лексические нормы отражаются в словарях: толковых, синонимов, антонимов, иностранных слов и др.

Соблюдение лексических норм является важным условием речевого общения, поскольку их нарушение неизбежно приводит к искажению смысла высказывания и в итоге к **коммуникативной неудаче** ◀ (см.). К лексическим ошибкам относятся: употребление слова или фразеологизма в несвойственном ему значении; не устраненная контекстом многозначность, которая создает незапланированную двусмысленность; нарушение норм **лексической сочетаемости** ◀ (см.), смешения **паронимов** ◀ (см.); ошибки в употреблении синонимов, антонимов, омонимов; лексическая избыточность или неполнота высказывания.

Часто ошибкой становится включение в текст заимствованного слова, значение которого не вполне известно говорящему: *Обилие аксессуаров тягоцает сюжет* (*аксессуар* ‘сопутствующий чему-л. предмет’); *Нужно отметить добрый сарказм автора произведения* (*сарказм* ‘злая, язвительная насмешка, издевка’); *Дружба и любовь в восприятии Онегина кажутся бижутерией* (*бижутерия* ‘украшения из недорогих камней и металлов’). Однако для просторечия характерно неверное употребление и собственно русских слов; так, ошибочны выражения *Он занял мне сто рублей* (глагол *занять* имеет лишь значение ‘взять взаймы’), *меньшая половина* (половина ‘одна из двух равных частей, вместе составляющих целое’).

Ясность, точность и логичность словоупотребления нарушается вследствие неверного выбора слова из синонимического ряда (так, речевая ошибка в предложении *Благодаря жару многие жители поселка остались без крова* связана с тем, что предлог *благодаря* сохраняет связь с глаголом *благодарить* и потому, в отличие от других предлогов с причинным значением (*из-за*, *в результате*, *вследствие*), употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет о причинах, имеющих желательный результат); неточного подбора антонима (*Герой вызывает у читателя не только сострадание, но и иронию*) или паронима (*Писатель использует археологизмы («вотще») для придания рассказу исторического колорита*). К непониманию текста читающим или слушающим часто приводит путаница в употреблении омонимов, не проясненная контекстом многозначность слова или неполнота высказывания. Так, в предложении *Этот вариант произведения был оставлен писателем* остается неясным значение глагола *оставить*: ‘сохранить, не подвергая изменениям’ или, напротив, ‘отклонить’. Неполнота высказывания (пропуск слова) зачастую сопровождается и нарушением грамматической нормы: *Автор сочувствует и даже восхваляет своего героя* (пропущено дополнение к глаголу *сочувствовать*, который требует

формы дат. падежа существительного: *сочувствует герою, но восхваляет его*).

Причиной лексической ошибки может стать и речевая избыточность: повторение в тексте близких по смыслу и потому ненужных слов и оборотов речи, т. е. ▷ **плеоназм** (*Пушкин написал роман, в котором отразилась эпоха его времени; эпоха* ‘длительный период времени’), или же повтор однокоренных слов, т. е. ▷ **тавтология** (*вновь возобновить, в рассказе рассказывается*). В устной речи избыточность, кроме того, может выражаться в многословии (*Момент, скажем так, действительно, если можно так выразиться, весьма своеобразен*), употреблении слов-паразитов (*Я как бы выучил это стихотворение; Я, такая, иду*).

С лексическими трудностями сопряжено и использование фразеологизмов. Напр., в предложениях *Хлестаков все время мечет бисер перед свиньями, а ему верят* и *Умный человек не будет махать бисером перед Репетиловым* неверно употреблено устойчивое выражение *метать бисер перед свиньями* ‘напрасно говорить о чем-л. или доказывать что-л. тому, кто не способен этого понять’: в первом случае фразеологизму приписано не свойственное ему значение ‘обманывать’, а во втором разрушена фразеологическая связанность компонентов выражения.

Однако нарушение лексических норм может быть допущено говорящим сознательно: в художественном тексте, напр., оно служит созданию комического эффекта (*...я оставлю дома все свои деньги, Громов всю свою жену* — А. Аверченко; *Человек вы квалифицированный, не первой свежести* — М. Зощенко; *Я знал, что она была невылазно богата* — А. Чехов), а в речевой практике становится популярным приемом ▷ **речевого манипулирования** (см. ▷ **Речевое воздействие**). Пример буквально магического воздействия, которое производит иноязычное слово *престидижитатор* (‘фокусник, манипулятор’) на людей, не знающих его значения, приведен в романе А. Марининой: *Испугались. Увидели, что я чашку принес, и поинтересовались, что это за принцесса такая, которой кофе надо в машину подавать... Я им объяснил... <...> Личный престидижитатор начальника налоговой полиции города. <...> Откуда им знать, что престидижитаторы работают в цирке и на эстраде, а не в налоговой полиции. Темнота непроsvещенная. А еще если личный, тогда вообще хана. Получается что-то вроде тайного советника.*

Сознательное нарушение лексической нормы при употреблении малоизвестных широкой публике заимствованных слов, которые умело инкрустируются в соответствующий контекст, нередко используется в политической борьбе. Такая уловка была применена в полемике против сенатора от штата Флорида К. Пеппера, в результате чего он потерпел поражение на очередных выборах. Один из противников сенатора, выступая перед аудиторией, заявил: «...все ФБР и каждый член конгресса знают, что Клод Пеппер бесстыдный экстреверт. Более того, есть основания считать, что он практикует nepoтизм по отношению к свояченице, а сестра его была феспиажкой в греховном Нью-Йорке. Наконец, и этому трудно поверить, хорошо известно, что до женитьбы Пеппер практиковал целибат». Избиратели возмутились, и К. Пеппер потерял место в сенате. Не владеющий подобным лексиконом слушатель попался в ловушку. На самом деле эти слова совершенно невинны: экстреверт — общительный человек; nepoтизм — покровительство родственникам; феспиажка — поклонница драматического искусства; целибат — безбрачие.

ЛЭКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ — присущая слову способность употребляться совместно с другим словом, которая определяется его значением и **стилистической окрас-**

кой ◀ (см.). Иногда в этом значении используют также термин ▷ **лексическая валентность**. Нарушение лексической сочетаемости является речевой ошибкой.

Лексическая сочетаемость может быть нарушена вследствие непонимания или неоправданного расширения объема значения слова, чаще всего заимствованного (*Онегин любил гулять, завернувшись в широкий боливар; руководитель бизнеса — ср.: руководитель предприятия, но организатор бизнеса; поднять тост за кого-л. — ср.: поднять бокал, но произнести тост*), неразличения синонимов (*продолжительный кредит* вместо *долговременный кредит; воплотить планы* вместо *воплотить замыслы* или *осуществить планы*), смешения **паронимов** ◀ (см.) (*поставить роспись* вместо *поставить подпись; его обхватила радость* вместо *охватила*), контаминации (наложения) внешне похожих сочетаний (*имеет место быть* — ср.: *имеет место* и *имеет быть; играет большое значение* — ср.: *играет роль* и *имеет значение*), неполноты высказывания (*массаж — лучшее средство профилактики позвоночника* вместо *профилактики заболеваний позвоночника; повесить кого-л. на Доску почета* вместо *повесить портрет кого-л. на Доску почета*) или, напротив, использования лишних слов (*своя автобиография; памятный сувенир*), нарушения фразеологической связанности (можно сказать *бархатный сезон*, но не *бархатная осень, одержать победу* и *потерпеть поражение*, но не *потерпеть победу* и *одержать поражение*) и др.

Избежать такого рода ошибок помогает внимание к **внутренней форме слова** ◀ (см.). Так, напр., употреблять глагол *повысить* в значении ‘улучшить, усовершенствовать’ можно лишь по отношению к тому, к чему приложим параметр *высокий* (можно *повысить скорость < высокая скорость; повысить благосостояние < высокое благосостояние*, но нельзя *повысить подготовку* или *глубину знаний*), эпитет *глубокий* в значении ‘очень сильный, достигший значительной степени’ — по отношению к тому, что может характеризоваться *глубиной* (*глубоким* могут быть *впечатление, след*, но не *отражение* или *образ*).

Нарушение лексической сочетаемости может быть связано также и с совмещением в контексте слов с различной стилистической окраской, напр. книжных и разговорных, просторечных, жаргонных и др. Так, нормативны сочетания *болтать ерунду* и *изречь истину*, но ненормативны *болтать истину* и *изречь ерунду*; можно сказать *многотысячная толпа*, но нельзя — *многотысячная орава* и т. п., если автор при этом не иронизирует.

Лексическая сочетаемость слов может со временем изменяться — как правило, вследствие изменения (расширения или сужения) значения самого слова. Так, форма мн. числа существительного *амбиции* еще совсем недавно могла употребляться лишь в значении ‘необоснованные претензии на что-л.’ (*имперские амбиции, беспочвенные амбиции*), однако сегодня заключенная в этом слове отрицательная оценочность уже не ощущается говорящими, и потому нередко можно услышать о *здоровых амбициях современной молодежи, разумных амбициях политических деятелей* и т. п.

В стилистических целях границы лексической сочетаемости могут быть расширены в художественном и публицистическом тексте — для создания яркого и запоминающегося образа (*Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души* — В. Высоцкий); *...валдалясь / В сегодня ставших ближе зрач* — Б. Пастернак) или комического эффекта (*Древняя история есть такая история, которая произошла с... народами, говорящими на мертворожденных языках* — Н. Тэффи; *при наличии отсутствия протитанных шпал* — И. Ильф, Е. Петров; *умственное и нравственное декольте* — М. Салтыков-Щедрин). Именно нарушение привычных связей слов, придающее им особые оттенки значения, лежит в основе многих **тропов** ◀ (см.) и **фигур речи** ◀ (см.): **эпитета** ◀ (см.) (*серебряный голосок*), **мета-**

форы < (см.) (*серьги якорей, сталжеры поднебесья*), **метонимии** < (см.) (*ложки блещут, запыли смьчки*), олицетворения (*деревья оживают*), **оксюморона** < (см.) (*Смотри, ей весело грустить, / Такой нарядно обнаженной* — А. Ахматова). Особенно часто прием обновления лексических связей используется при создании заголовков: «Вспоминание о будущем», «Влюблен по собственному желанию», «Наедине со всеми».

Трудности, связанные с соблюдением правил лексической сочетаемости, побудили филологов к созданию ряда словарей, посвященных этой теме, в частности «Словаря сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (1-е изд. 1978 г., 3-е изд. 2002 г.).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ — слова, которые в языке или в конкретном контексте обозначают предметы, понятия, качества, действия образно и эмоционально, выражают отношение говорящего к называемым реалиям или к собеседнику.

К лексическим средствам выразительности относятся:

1 Слова, формирующие **тропы** < (см.) и **фигуры речи** < (см.) (в том числе на основе системных отношений лексики: синонимы, антонимы, омонимы, многозначные слова, паронимы).

2 Стилистически окрашенные слова (см. > **Стилистическое расслоение лексики**, **Стилистическая окраска**):

⇒ лексика, характерная для определенных **функциональных стилей** < (см.) речи (научного, официально-делового, публицистического, разговорного);

⇒ лексика, характерная для определенных экспрессивных разновидностей речи: лексика высокого стиля, экспрессивного просторечия (см. > **Просторечие**), различных **жаргонов** < (см.);

⇒ лексика ограниченной сферы употребления: архаизмы и историзмы (см. > **Устаревшая лексика**), **неологизмы** < (см.) **окказионализмы** < (см.), ощутимо заимствованные слова (см. > **Иноязычная лексика**), профессионализмы (см. > **Специальная лексика**), слова из социального просторечия (см. > **Просторечие**), диалектов.

3 Цитатные слова — слова, устойчиво связанные в сознании носителей языка с употреблением в известных литературных произведениях, песнях, кинофильмах, выступлениях политиков и т. п.

> **Синонимы** позволяют разнообразить речь, многосторонне или избирательно характеризовать явление, передавать смысловые оттенки, отношение к реалиям. К. И. Чуковский писал в книге «Высокое искусство»: У большинства переводчиков чрезвычайно скудный словарь: каждое иностранное слово имеет для них лишь одно значение. Запас синонимов у них нищенски мал. Horse у них всегда только **лошадь**. Почему не конь, не **вороной**, не **скакун**? ...Почему многие переводчики всегда пишут о человеке — **худой**, а не **сухопарый**, **худощавый**, **тщедушный**, **тощий**? Почему не **стужа**, а **холод**? Не **лачуга**, не **хибарка**, а **хижина**? Не **каверза**, не **подвох**, а **интрига**?

Смысловые нюансы и стилистические различия между синонимами могут подчеркиваться, становиться предметом изображения, и тогда синонимы становятся контекстуальными антонимами: — *Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто* (Ф. Достоевский); *Легко различать / Секреты и тайны: / Тайны — извечны, / Секреты — случайны* (Б. Заходер).

> **Антонимы** часто формируют **антитезу** < (см.): *Полбил богатый — бедную, / Полбил ученый — глупую, / По-*

любил румяный — бледную, / Полбил хороший — вредную; / Золотой — полушку медную (М. Цветаева), **оксюморон** < (см.): *Мы любим всё — и жар холодных числ, / И дар божественных видений* (А. Блок); обозначают отрицание контрастных признаков: *Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...* (В. Высоцкий); показывают противоречивое единство явлений: *Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь* (Н. Некрасов); формируют иронические высказывания: *Этот художник получил широкую известность в узких кругах.*

> **Омонимы** (а также омофоны, омографы, омоформы — см. > **Омонимы**) и > **многозначные слова** чаще всего используются как средство **языковой игры** < (см.): «*Чья же пьеса нынче шла?*» — / «*Александрова*». — «*Была / С шиком сыграна, без шика ли?*» — / «*С шиком, с шиком: громко шикали*» (Д. Минаев); *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее поласкать рот* (Козьма Прутков), *Я приехал в Москву, плачу и плчу* (П. Вяземский); Хочешь, чтоб в чью-нибудь душу *запала / Строчка твоя? Не пиши без запала* (Э. Кроткий); *Сколько надо отваги, чтоб играть на века, / Как играют овраги, как играет река, / Как играют алмазы, как играет вино, / Как играть без отказа иногда суждено* (Б. Пастернак); *Поэт — издаека заводит речь, / Поэта — далеко заводит речь* (М. Цветаева). Выразительным художественным приемом является совмещение значений омонимов и многозначных слов одним контексте: *Сентябрь. Ночь. Все общество — свеча. / Но тень еще глядит из-за плеча / в мои листы и роется в корнях / оборванных. И призрак твой в сенях / шуричит и булькает водою, / и улыбается звездой / в распахнутых рывком дверях* (И. Бродский). Здесь поэт обозначает словом *листы* и листы бумаги, и листья деревьев, употребляет слово *корни* и в прямом, и в переносном значениях. Примеры из стихов Пастернака, Цветаевой и Бродского показывают, что совмещенная многозначность может быть выразительным средством не только в комических, но и в серьезных высказываниях.

Многозначность слова является основой художественной **метафоры** < (см.), часто развернутой: *Я начал писать книгу по плану, но, сколько я ни бился, книга просто рассыпалась у меня под руками. Мне никак не удавалось спаять материал, цементировать его, дать ему естественное течение. Материал распозался. Интересные куски провисали, не поддержанные соседними интересными кусками. Они одиноко торчали, не связанные с тем единственным, что могло бы вдохнуть жизнь в эти архивные факты, — с живописной подробностью, воздухом времени, близкой мне человеческой судьбой* (К. Паустовский).

Художественная **метонимия** < (см.) образуется тоже на основе многозначности слова: *Владельца в охапку — / По лестнице каткой, / По лестнице хлипкой — / Торопится папка, / Торопится кепка, / Торопится скрипка. // — Ох, спал бы и спал бы! / Сжевала, сгноила, смолола! / Торопятся фалды, / Торопятся фалды, / Торопятся полы* (М. Цветаева).

Выразительность **паронимов** < (см.) проявляется при их сближении, а иногда и противопоставлении в одном контексте: — *Нечего их ни жсать, ни жаловать!* — сказал старичок в голубой ленте (А. Пушкин); *В ней больше красоты, чем красоты* (К. Станиславский); *Единственная цель произведения искусства во время его совершения — это завершение его, и даже не его в целом, а каждой отдельной частицы, каждой молекулы* (М. Цветаева).

К лексическим средствам выразительности относятся слова, тесно связанные с функциональными и экспрессивными разновидностями речи. Напр., в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» автор отчетливо противопоставляет публицистический пафос высказываний романтического

Караса (писатель обозначает его речь оценочным словом *разглагольствовал*) и экспрессивное просторечие Ерша:

— *В жизни первенствующую роль добро играет, — разглагольствовал карась, — зло — это так, по недоразумению допущено, а главная жизненная сила все-таки в добре замыкается.*

— *Держи карман!*

— *Ах, ерш, какие ты несообразные выражения употребляешь! «Держи карман»! разве это ответ?*

— *Да тебе, по-настоящему, и совсем отвечать не следует.*

Глупый ты — вот тебе и сказ весь!

— *Нет, ты послушай, что я тебе скажу. Что зло никогда не было жидущей силой — об этом и история свидетельствует.*

Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а жидущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетенным, оно освобождало от цепей и оков, оно пробуждало в сердцах плодотворные чувства, оно давало ход парениям ума. Не будь этого воистину жидущего фактора жизни, не было бы и истории. Потому что ведь, в сущности, что такое история? История — это повесть освобождения, это рассказ о торжестве добра и разума над злом и безумием.

Слова ограниченных сфер употребления ярко выделяют на фоне лексики литературного языка, приобретая особую выразительность; ср., напр., диалектизмы при изображении деревенского мальчика Кости в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг»: *Шел я из Каменной Гряды в Шашкино; а шел сперва все нашим орешником, а потом лужком пошел — знаешь, там, где он сугибелью выходит, — там ведь есть бучило; знаешь, оно еще все камышом заросло; вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у!* Тургенев поясняет: «Сугибель — крутой поворот в овраге»; «Бучило — глубокая яма с весенней водой».

Выразительны элементы просторечия, архаизмы и историзмы в романе А. Н. Толстого «Петр I»: *Бояре в Преображенском не бываот, — здесь ни чести, ни прибытка. Все толпятся в Кремле, поближе к солнцу. Чтобы не совсем было зазорно, Софья приказала быть при дворе царя Петра четырьмя боярам: князю Михаиле Алезуковичу Черкасскому, князю Лыкову, князю Троекурову и князю Борису Алексеевичу Голицыну. А велик ли прок от них? Лениво слезут с коней у крыльца, подойдут к царьцыной ручке, сядут и — молчат, вздыхают. Говорить мало о чем найдется с опальной царницей. Вбегит в горницу Петр, — бояре, поклонясь нецарствующему царю, справятся о его государевом здоровье, и опять вздыхают, качают головами: уж больно приток становится царь-то, — гляди, царятина на щеке, руки в цыпках. Неприлично. (...) Софья уехала в село Коломенское и послала бирочей по уездам созывать дворянское ополчение* (Бирючи — царские служители, объявляющие указы).

Высока степень художественной выразительности > **экзотизмов** (см. > **Иноязычная лексика**), в том числе топонимов (географических названий); напр., в стихотворении Н. С. Гумилева «Ислам»: *В ночном кафе мы молча пили кьянти, / Когда вошел, спросивши шерри-бренди, / Высокий и седеющий эффенди, / Враг злейший христиан на всем Леванте.*

Одним из самых сильных средств лексической выразительности являются > **окказиональные слова**; напр., в стихотворении В. Хлебникова «Заключение смехом»: *О, рассмейтесь, смехачи! / О, засмейтесь, смехачи! / Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно, / О, засмейтесь усмеяльно! / О, рассмешитц надсмешьяных — смех усмейных смехачей! / О, иссмейте рассмешьяльно, смех надсмейных смеячей! / Смёйево, смёйево! Усмей, осмей, смешики, смешики! / Смеюнчики, смеюнчики. / О, рассмейтесь, смехачи! / О, засмейтесь, смехачи!*

Не только многие окказионализмы, но часто и самые обыкновенные слова приобретают выразительность, если их употребление вызывает в памяти тот источник, с которым сло-

во связывается в сознании говорящего (пишущего) и слушающего (читающего). Так, окказиональные слова *смехачи, бобэоби, крыльышкя* устойчиво соотносятся с поэзией Хлебникова, когда они употребляются в других контекстах; слово *прозаседавшиеся*, вошедшее в литературный язык, остается в нем как слово В. В. Маяковского; слово *скифы* ассоциируется с поэзией А. А. Блока (конечно, не при прямом обозначении исторического народа, а в расширительном, переносном употреблении). Существительное *примус*, бывшее в первой половине XX в. самым обычным бытовым словом, перешло в разряд историзмов и стало вызывать ассоциации с произведениями М. М. Зощенко и М. А. Булгакова, из которых современным молодой читатель обычно и узнаёт слово. Обычное для 30-х гг. XX в. название *Москвошвей* стало цитатой из стихов О. Э. Мандельштама (*Я человек эпохи Москвошвей...*). Навязчивый повтор рекламных слоганов приводит к тому, что некоторые слова из этих слоганов воспринимаются как цитатные, напр. слово *обычный* (*Обычный порошок, обычное чистящее средство, обычный йогурт* и т. п.). Конечно, многие ассоциации индивидуальные, соответственно и не для всех носителей языка цитатные слова имеют одинаковую выразительность.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР — вид лингвистического разбора, при котором слово характеризуется как единица лексико-семантической системы языка. Поскольку складывающийся в течение многих веков словарный состав русского языка неоднороден, в нем по различным признакам могут быть выделены разные группы лексических единиц, и каждое слово может быть охарактеризовано по принадлежности к той или иной группе. Лексический разбор предполагает анализ значения слова, характеристику слова с точки зрения употребительности, происхождения и **стилистической окраски** < (см.), описание системных связей слова с другими словами языка, а также учет его фразеологической активности. Результаты лексического разбора важны для понимания идейного и художественного содержания определенного контекста и текста в целом, роли слова как средства лексической выразительности и проведения **стилистического анализа текста** < (см.).

Лексический разбор слова должен проводиться при помощи специальных лингвистических словарей: **толковых словарей** < (см.), **фразеологических словарей** < (см.), **словарей синонимов** < (см.), **словарей антонимов** < (см.), **словарей иностранных слов** < (см.), **этимологических словарей** < (см.), **словарей устаревших слов** < (см.). Для школьной практики лексический разбор является факультативным видом разбора. Сложности лексического разбора во многом связаны с тем, что лексико-семантическая система характеризуется наибольшей разнообразностью материала и наименьшей четкостью среди других систем языка (фактически каждое слово имеет свою, неповторимую лексико-семантическую историю), в силу чего границы между различными группами слов часто размыты и одно и то же слово даже может получать разное описание в разных словарях одного типа.

Прежде всего при лексическом разборе следует дать семантическое (см. > **Семантика**) описание слова. Для этого необходимо установить **лексическое значение слова** < (см.) в конкретном контексте. Напр., в отрывке из стихотворения А. С. Пушкина *Сквозь волнистые туманы пробирается луна, на печальные поляны льет печальный свет она* слово *льет* (начальная форма *лить*) имеет значение 'испускать, распространять (свет, звук, запах)'. Далее (при необходимости с помощью толкового словаря) следует определить, однозначным или многозначным является анализируемое слово. Напр., глагол *лить* многозначен, имея значения:

- 1 Заставлять вытекать, течь какую-либо жидкость.
- 2 Испускать, распространять (свет, звук, запах).

- 3 Сильно или непрерывно течь, идти.
  - 4 Делать, изготавливать что-либо из расплавленного вещества.
- Нужно установить, обладает ли слово переносными значениями и каков вид переноса наименования. Так, второе значение слова *лечь*, в котором слово и использовано в тексте, является переносным и образовано с помощью метафорического переноса (см. > **Метафора**, **Многозначность**); ср. в контексте *липкий от смолы ствол* слово *липкий* использовано в прямом значении, а в контексте *липкий взгляд* — в переносном, метафорическом значении.

Лексический разбор предполагает указание на стилистическую окраску слова: является ли оно нейтральным, книжным, поэтическим, разговорным, просторечным, бранным, грубым (напр., слово *лечь* нейтрально, а в строчке из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» *И Бога глас ко мне воззвал* слово *глас* является книжным).

На следующей стадии лексического разбора необходимо указать на сферу употребительности слова, а именно входит ли слово в **активный** или **пассивный состав лексики** < (см.), является ли слово (или его отдельное значение) общепотребительным (как слово *лечь*) или его использование ограничено территориально (см. > **Диалектная лексика**), функционально (см. > **Специальная лексика**; напр., к специальной лексике принадлежит слово *лечь* в последнем значении) или с точки зрения исторической перспективы (см. > **Устаревшая лексика**, **Неологизмы**; напр., использованное Л. Н. Толстым слово *линейка* в значении 'длинный многоместный открытый экипаж, в котором сидят боком к направлению движения' устарело с точки зрения лексико-семантической системы современного русского языка, а используемое В. В. Маяковским прилагательное *молоткастый* является авторским неологизмом).

Обязательным пунктом лексического разбора является характеристика места слова в лексико-семантической системе языка. Для этого с помощью словаря омонимов, словаря синонимов и словаря антонимов нужно установить, имеет ли это слово в языке **омонимы** < (см.) (так, в некоторых толковых словарях слово *лечь* в специальном значении 'делать, изготавливать что-л. из расплавленного вещества' выделяется как омоним к *лечь* 'заставлять вытекать, течь какую-л. жидкость'), **синонимы** < (см.) (если да, то указать синонимический ряд для слова в данном значении, напр.: *лечь* — *испускать* — *распространять* — *источать* — *излучать*), **антонимы** < (см.) (подобрать по возможности антонимическую пару, напр.: *печальный* — *веселый*).

С помощью этимологического словаря и словаря иностранных слов устанавливается происхождение слова (см. > **Исконная лексика**, **Иноязычная лексика**), для **заимствований** < (см.) по возможности указывается источник заимствования; напр., слово *лечь* принадлежит к исконной русской лексике, слово *линейка*, образованное средствами русского языка от слова *линия*, является собственно русским словом, а слово *линия* — заимствованным через польский или немецкий из латинского *linea* 'льняная бечевка; полоса, проведенная этой бечевкой'.

Завершает разбор установление фразеологических связей слова, для чего необходимо указать, входит ли слово в состав **фразеологических единиц** < (см.) (так, слово *лечь* может входить в состав устойчивых сочетаний *лечь кровью* 'сражаясь за что-л., быть раненым', *лечь пули* 'врать', *лечь слезы* 'горько плакать', *лечь воду* 'говорить долго, много, бессодержательно', *лечь воду на мельницу* 'приводить доводы, подтверждающие чью-л. позицию', *лечь как из ведра* 'о ливне, сильном дожде').

План лексического разбора слова

- 1 Дать семантическое описание слова.
- 1 Установить лексическое значение слова в анализируемом тексте.

- 2 Определить, однозначным или многозначным является анализируемое слово в языке.
- 3 Выяснить, обладает ли слово переносными значениями и каков вид переноса наименования в каждом случае. Определить, в прямом или переносном значении слово употреблено в тексте.
- 2 Указать стилистическую окраску слова.
- 4 Определить, является ли слово нейтральным, книжным, разговорным, просторечным.
- 5 Определить, является ли слово нейтральным, высоким, поэтическим, ласкательным, грубым, уничижительным, бранным, и т. д.
- 3 Охарактеризовать слово с точки зрения сферы употребления.
- 6 Указать, входит ли слово в активный или пассивный состав лексики.
- 7 Указать, является ли слово (или слово в данном значении) общепотребительным или его использование ограничено.
- 8 Если использование слова ограничено, указать на это ограничение:
  - ⇒ **территориальное** (принадлежит ли слово к диалектной лексике);
  - ⇒ **функциональное** (принадлежит ли слово к специальной, профессиональной лексике, какому-либо жаргону);
  - ⇒ **с точки зрения исторической перспективы** (принадлежит ли слово к устаревшей лексике, является ли неологизмом).
- 4 Охарактеризовать место слова в лексико-семантической системе языка.
- 9 Указать, имеет ли слово омонимы.
- 10 Указать, имеет ли слово синонимы (если да, то указать для слова в данном значении синонимический ряд).
- 11 Указать, имеет ли слово антонимы (подобрать по возможности антонимическую пару).
- 5 Установить происхождение слова.
- 12 Определить, принадлежит ли слово к исконной или иноязычной лексике.
- 13 Для заимствований указать источник заимствования.
- 6 Установить фразеологические связи слова.
- 14 Указать, входит ли слово в состав фразеологических единиц.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА — содержание слова, отраженное в сознании как понятие о явлении действительности, оформленное средствами определенного языка и являющееся элементом его системы. Таким образом, в лексическом значении слова выделяются три важнейшие составляющие: соотносительность с явлением действительности (предметом, признаком, действием, состоянием, количеством), понятием и языковой системой.

Лексические значения 'лиственное дерево с белой корой', 'в России до середины XIX в.: начальник города', 'делать белым, покрывая мелом, известью', 'густо-красный', составляющие содержание слов *береза*, *городничий*, *белить*, *багряный*, соотносятся с определенными конкретными реалиями русской жизни — деревом, социальным лицом, действием, цветом, отличными от дуба, городского или близкого действия «красить» (покрывать краской любого цвета, в том числе и белилами), другого оттенка красного цвета — алого. Связь лексического значения, выраженного соответствующим сочетанием звуков, с явлением действительности может быть условной для современного языка, но она сложилась исторически, закрепились в сознании носителей языка (*береза*, *багровый*). В других же случаях она объяснима **внутренней формой слова** < (см.) — признаком той реалии, которая называется словом (этим признаком, соотносящим лекси-

ческое значение с обозначаемым, является указание на объект управления — «город», а для глагола *белить* — цветовой признак «белый»). Таким образом, по соотношению с явлениями действительности выделяются > **мотивированные** и > **немотивированные значения**. Внутренняя форма может непосредственно входить в лексическое значение (как у слов *городовой*, *белить*).

Лексическое значение слова отражает познание человеком явления действительности, так как основу значения составляет понятие — мысль о существенных признаках класса однородных предметов. Так, дерево, называемое словом *береза*, может быть молодым или старым, с гибкими, плакучими ветвями или покореженным грозой, облюбованным грачами для строительства гнезд, используемым в народе для заготовки венчиков для бани и т. п. Но при всем многообразии признаков сознание выделило в качестве характерного признака всех видов этого листового дерева белый цвет коры (ср. типичное сочетание *белоствольные березы*, у М. Ю. Лермонтова — *чета белыхуших берез*), который и отразился в лексическом значении слова. Лексическое значение слова выступает как результат анализа и обобщения в слове значимых черт ряда явлений одного класса.

Понятийное ядро лексического значения представляет соединение родового, обобщающего признака (*дерево*) и видовых, отличительных (*лиственное*, *белая кора*). В лексическом значении реализуется понятие не как совокупность различных знаний об обозначаемом, а как их минимальная, значимая с точки зрения определенного сознания часть. Напр., для повседневно обиходного сознания *звезда* — это 'небесное тело, светящаяся точка на ночном небе', для научного — 'небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем' и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой. В первом случае признаки понятия складываются в результате житейских наблюдений, они конкретны и наглядны, во втором — являются итогом специального изучения, отражают сущность явления и в известной мере отвлечены. Иначе в художественных текстах: в них понятие предстает в образной форме, осложняется ассоциациями, в его составе актуализируются дополнительные признаки, отражающие авторское видение; в лирике Лермонтова сверкающая в ночном небе точка изображается как прекрасный, одухотворенный, влекущий к себе мир, противостоящий земной жизни: *Светись, светись, далекая звезда, Чтоб я в ночи встречал тебя всегда; Твой слабый луч, сражаясь с темнотой, / Несет мечту душе моей бальной или Ночь тиха. / Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит*. Таким образом, можно говорить об > **обиходном**, > **научном** (> **терминологическом**) и > **художественном значении** слова в зависимости от характера понятия, реализованного в нем.

Лексическое значение неразрывно связано с системой языка: его материальной оболочкой выступают звуки и графика языка, оно оформлено в соответствии с грамматической системой языка; ср. *белить*, *белок* (яйц), *белизна* (кожи), (кругом) *бел* . Лексическое значение соотносится со значениями других слов: прилагательное *белый* входит в группу цветowych прилагательных, регулярно противопоставляется как антоним прилагательному *черный*, вступает в синонимические отношения со словами *молочный*, *белоснежный*, каждое из которых передает особый оттенок цвета. Языковая система накладывает определенные ограничения на выражение понятия, лежащего в основе лексического значения. Понятие о быстроте совершаемого действия выражается в русском языке наречиями *быстро* и *стремглав*, но если у первого наречия широкая сочетаемость с глаголами (*быстро писать, говорить, ответить, приготовить, идти, бежать*), то второе употребляется только в сочетании с глаголами, обозначающими передвижение человека (*стремглав помчаться, пуститься бежать*); слово *море* для выражения большого коли-

чества чего-нибудь требует конструкции с род. падежом (*море цветов, людей, слов*); глагол *везти* передает мысль об удаче в чем-либо только при безличном употреблении (*ему везет на экзамене*); существительное *капли* обозначает 'жидкое лекарство, принимаемое по счету отделяющихся, падающих частиц' только в форме мн. числа. Подобные особенности выражения лексического значения слова отмечаются в толковых словарях с помощью помет и дополнительных пояснений.

Кроме понятия, в лексическое значение слова могут входить дополнительные сознания (> **коннотации**), указывающие на сферу употребления слова, оценку, эмоциональное отношение говорящего или придающие слову выразительность: глагол *обезьяничать* 'слепо подражать кому-л., перенимая манеру поведения', в отличие от глагола *подражать*, является разговорным, содержит отрицательную оценку, выражая пренебрежение, а внутренняя форма (*как обезьяна*) обуславливает образность, выразительность слова.

В речи, при конкретном употреблении, слово может приобрести окказиональное, зависящее от текста, значение, изменять эмоционально-экспрессивные свойства; ср. у М. Горького: *ее безглазое лицо добродушно улыбалось* (о пухлой кабатчице) — *безглазое* 'на котором не видно глаз'; у В. В. Набокова: *гулкие краски, гул блёкнул* (при описании заката) — в значении слов *гул*, *гулкий* признак звучания заменяется признаком цвета, а сохранившийся признак «сильный, мощный» передает буйство красок. В слове, его значении заложены богатые возможности для его семантического (см. > **Семантика**) развития и обновления в языке и речи.

ментальный лексикон — В русском языке около 300 000 слов. Каждый человек знает многие из них, хотя и не все. Вопрос, однако, в том, что значит само слово *знать*? Знать значит хранить информацию в мозге. Мозг — это один из органов человека, и у каждого он свой. Именно в своем мозге мы храним (наряду с другой информацией) многие из слов, которые есть в нашем родном языке. «Словохранилище» каждого человека в **психолингвистике** < (см.) называют ментальным (или индивидуальным, или внутренним) лексиконом. *Ментальный* [от лат. mens 'ум, сознание, дух'] — относящийся к высшим формам психической деятельности, *лексикон* — словарь. Разумеется, мы храним и форму слова, и его значение.

Можно хранить вещи в коробках и ящиках с непроницаемыми стенками и плотно закрывающимися дверцами. Однако лексические единицы в ментальном лексиконе мы сохраним по-другому — в одном большом едином хранилище. Об этом, напр., свидетельствуют результаты интересного, новаторского для своего времени (середина XX в.) психолингвистического эксперимента, который был проведен под руководством академика А. Р. Лурии. Люди (носители русского языка) слушали списки слов. Всякий раз, когда в списке встречалось слово *дам*, на руку испытуемого подавался разряд электрического тока (конечно, очень слабый). В результате у участников эксперимента выработался условный рефлекс: они стали отдергивать руку, если слышали это слово. Тогда в списки включили другие слова, обозначающие виды жилищ, напр. *хижина*, *изба*. Оказалось, что и на эти слова испытуемые тоже отдергивали руку. Это значит, что в ментальном лексиконе близкие по значению единицы тесно связаны между собой, как будто они переплетаются, словно ветки кустарника, — потянешь за одну ветку, начнут двигаться и другие. Эта важнейшая закономерность имеет нейролингвистическое (см. > **Нейролингвистика**) объяснение. Широкое распространение получила так называемая > **прототипическая теория** — современное

учение о том, как хранятся (репрезентируются) значения в ментальном лексиконе.

Ментальный лексикон — система динамическая. Одни слова входят в него, другие постепенно забываются. Известно, впрочем, что у здорового человека процесс пополнения индивидуального словаря преобладает над процессом исчезновения из него ненужных единиц. Поэтому в среднем сорокалетний человек знает больше слов, чем двадцатилетний. В 80-е и 90-е гг. XX в., напр., ментальные лексиконы вполне взрослых людей пополнились большим количеством новых единиц, таких как *перестройка, компьютер, йогурт*.

В последние десятилетия ученые все более активно изучают, как слова хранятся в ментальном лексиконе, какие связи существуют между ними, как осуществляется поиск слова в процессе **порождения речи** ← (см.) и **восприятия речи** ← (см.). Этим фундаментальным проблемам посвящено большое количество лингвистических книг, проводятся специальные конференции, в 2006 г. в Канаде даже начал издаваться специальный журнал под названием «The Mental Lexicon».

ЛÉРМОНТОВ Михайл Юрьевич

(1814—1841).

Язык его произведений. Лермонтов начинал свой путь в литературе с освоения достижений, в том числе стилистических, европейского и русского романтизма (Дж. Байрон, В. А. Жуковский), часто — путем откровенного подражания. Многие его ранние произведения, начиная с заглавий («Кавказский пленник», 1828), ориентированы на творчество А. С. Пушкина. Причем, как и Пушкин, Лермонтов пишет сразу во всех литературных родах: начав со стихов, с лирики, он обращается к драматургии («Маскарад», 1836), к эпосу, к повествовательной прозе, вершиной которой становится «Герой нашего времени» (1840). Однако, в отличие от пушкинской «школы гармонической точности», Лермонтов интенсивно разрабатывает несколько эстетических тенденций, каждая из которых внешне более однообразна и в то же время более экстремальна. Новый поэт словно рисует по краям огромного пушкинского круга несколько своих окружностей, выходящих за прежние пределы.

В лирике он создает образ мятущегося, страстного, жадного до впечатлений и в то же время разочарованного героя. Этот образ проявляется даже в микроэлементах стилистики. «Различие между поэтическим миром Пушкина и Лермонтова, между стилями этих двух поэтов на эпитетах сказывается особенно разительно, — замечала литературовед М. А. Рыбникова. — Лермонтов берет очень определенные эпитеты, круг его определений замкнут. Пушкин свободен и бесконечно изобретателен. Слово и в зрелом возрасте были для него новы все впечатленья бытия: он удивлялся, поражался и отзывался на все новым, молодым словом. „Мне впечатления не новы“, — говорит ему в противоположность Лермонтов, и ничему не удивляется, словно все знает заранее. И потому у него все *хладное, немое, тайное, таинственное, далекое, чуждое, мрачное и роковое*. (<…> Лермонтовские эпитеты определяют в сильнейшей мере именно то, какой являлась ему эта жизнь». При этом главным, доминирующим в лермонтовском мире оказывается эпитет *холодный (хладный)*. Подобный (в сущности, романтический) стиль проявился и в поэмах «Мцыри» (1839) и «Демон» (1839).

Но в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), в балладе «Бородино» (1836) и «Завещание» (1840) появляется образ простого человека (и соответственно разговорная интонация), однако эти образы существенно различаются в зависимости от характера изображения. *У наших ушки на макушке! / Чуть утро*

осветило пушки / И леса синие верхушки — / Французы тут как тут — таков афористически-поговорочный язык старого солдата в «Бородино». Совсем иные стилистические средства и интонация использованы в воспроизводящей напев гуслиаров «Песне про… купца Калашникова»: *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич! / Про тебя нашу песню сложили мы, / Про твоего любимого опричника / Да про смелого купца, про Калашникова*. «Эта песня представляет собою самобытное отражение и воспроизведение гениальным поэтом стиля народной поэзии — ее мотивов, образов и экспрессивных красок, типичных приемов песенного народного творчества (ее эпически-детальных описаний, ее игры синонимов, тавтологий, отрицательных сравнений, ретардаций и пр.)», — отмечал В. В. Виноградов. В подобных произведениях видят лермонтовское движение к реализму и, соответственно, точность, конкретность, функциональную обусловленность стилистических средств.

Итогом лермонтовского пути оказался роман «Герой нашего времени». Продолжая проблематику «Евгения Онегина», Лермонтов отходит от стилистических принципов пушкинской «почтовой» прозы. Пушкинская точность размывается лермонтовской лирической экспрессивностью, а краткость осложняется психологическим анализом и метафизической (философской) проблематикой, которые для Пушкина были предметом критических размышлений, но не практического применения. «Лермонтов приводит в равновесие лирическую и повествовательно-воспроизводящую стихии прозаического языка, — отмечал В. В. Виноградов. — Роль определений (имен прилагательных и наречий) гораздо более значительна в прозе Лермонтова, чем у Пушкина. Живое быстрое повествование, основанное на глаголах, в прозаическом стиле Лермонтова нередко сменяется лирическими медитациями, в которых выступают… характерные семантические особенности, идущие от стихового языка Лермонтова. Таким образом, в прозаическом стиле Лермонтова найдено равновесие между основными грамматическими категориями».

Лермонтов создает стиль социально-психологического романа, одного из главных жанров, определивших развитие русской прозы XIX в. «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах — по предложениям, по частям предложения… Так бы и учился писать», — признавался А. П. Чехов.

ЛЕСКОВ Никола́й Семёнович

(1831—1895).

Язык его произведений. Лесков — самый «филологический» из значительных русских писателей XIX в. «Язык он знал чудесно, до фокусов», — утверждал Л. Н. Толстой. Литературовед Б. М. Эйхенбаум называл лесковскую позицию художественным филологизмом и артистизмом. Сочинив в начале творческого пути несколько идеологических романов, признанных неудачными, писатель обратился к многостороннему живописанию русской жизни (прежде всего провинциальной) во всем богатстве ее бытовых положений, профессиональных ролей, социальных типов и причудливых психологических ситуаций (в этом смысле Лесков оказывается прямым предшественником А. П. Чехова). Многочисленные «рассказы к стати», «святочные рассказы» (Лесков издал сборники под такими заглавиями), «истинные события», «были», «картинки с натуры» (это жанровые подзаголовки произведений Лескова) аккумулялировали огромный опыт, который писатель приобрел в странствиях по России. А главным лесковским инструментом становится язык, речь. «Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психологической жизни у кого из нас какие найдутся слова. Изучить речи каждого представителя многочисленных социальных и личных положений довольно трудно. Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны

многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош», — рассказывал писатель собеседнику.

Лесков обычно дает слово самим персонажам, прибегая к персонифицированному или скрытому **▷ сказу** — форме повествования, при которой рассказчика характеризует не фабула, события, а прежде всего сама манера речи, рассказ о событиях. В сказовой манере написаны «Очарованный странник» (1873), «Запечатленный ангел» (1873), «Левша» (1881) и другие самые известные произведения Лескова. Однако речь многочисленных лесковских персонажей не просто подслушана, но художественно стилизована, создана. Для Лескова характерны не нормативность, чувство меры, а, напротив, концентрация, сгущение характерных речевых особенностей избранной профессии или социальной группы (поэтому Б. М. Эйхенбаум называл его «чрезмерным писателем»).

В сказке «Час воли Божией» (1890) предложен столь насыщенный, богатый редкими словечками стиль сказочного повествования, что никакой реальный сказитель не мог бы сравниться с ее автором: *Разлюляй-измигул, гулевой мужичонко, шершавенький, повсегда он одет в зипунишечке в пестреньком — один рукав кармазинный, а другой лазоревый, на голове у него суконный колпак с бубенчиком, штаны пестрядинные, а подпоясочка лыковая, — не жнет он и не сеет, а живет не знамо чем и питает еще хозяйку красивую да шестерку детей, — на которого ни глянь, сразу знать, что все — Разлюляевичи. Ходит он повсюду болтается, и никто разобрать не может: видит ли он добро в той темноте, что была до Гороха царя, или светится ему лучше в тех смыслах, какие открылись людям после время Горохова*. Точно так же в «Левше» Лесков интенсифицирует прием **▷ народной этимологии** (см. **➤ Этимология**), делает его литературной игрой, осмысляя по ее законам не только **▷ варваризмы** (см. **Иноязычная лексика**), как это делал, напр., А. Н. Островский, но и исконно русские слова. *Фельтон* в «Левше» превращается в *клеветон, бафометр* — в *буреметр, микроскоп* — в *мелкоскоп, Аполлон Бельведерский* — в *Аболона полведерского*, но одновременно *двухместная* карета — в *двухместную*, находящаяся *напротив* аптека — в *противную* аптеку, частные разговоры *между собой* — в *междуособные* разговоры. Интересы писателя были направлены и в другую сторону: он пересказывал библейские и исторические сюжеты, воспроизводя столь же виртуозно, как и диалекты, особенности старинного высокого стиля. Писатель утверждал, что некоторые его произведения написаны «музыкальным речитативом» — прозой, по ритмическим признакам похожей на стихи.

Точную итоговую характеристику стиля Лескова, его своеобразия на фоне иных подходов к языку дал критик — современник писателя: «Неправильная, пестрая, антикварная манера делает книги Лескова музеем всевозможных говоров; вы слышите в них язык деревенских попов, чиновников, начетчиков, язык богослужебный, сказочный, летописный, тяжебный, салонный, — тут встречаются все стихии, все элементы океана русской речи. Язык этот, пока к нему не привыкнешь, кажется искусственным и пестрым… Стиль его неправилен, но богат. В нем нет строгой простоты стиля Лермонтова и Пушкина, у которых язык наш принял истинно классические, вечные формы, в нем нет изящной и утонченной простоты гончаровского и тургеневского письма, нет задушевной житейской простоты языка Толстого, — язык Лескова редко прост; в большинстве случаев он сложен, но в своем роде красив и пышен» (М. О. Меньшиков).

ЛÉТОПИСИ

— вид исторического повествования, в котором в хронологической последовательности излагаются важнейшие события жизни государства или отдельных его частей в определенный период.

Рассказ о событии обычно начинается словами *в лето…* — отсюда название *летопись*. Слово *лето* в **древнерусском языке** ← (см.) имело не только значение, близкое к современному ('определенный отрезок годового времени, сезон'), но и значение 'год'. Летописание было одним из ведущих жанров древнерусской письменности. Летописи составлялись в монастырях, при дворах князей, в канцеляриях митрополитов и отражали интересы разных групп людей. Они являются памятниками русской литературы и древнерусского языка и важным источником наших знаний отечественной истории. Напр., из летописи мы узнаём подробности похода на половцев в 1185 г. князя Игоря Святославича — события, легшего в основу **«Слова о полку Игореве»** ← (см.). Летопись представляет собой сложное по структуре произведение. Выделяют пять форм летописного повествования:

- ▷ погодная запись**, которая вводится традиционной формулой: *в лето 6504 (996)…, того же лета…, в то же лето…, сего лета…, потом же…* и пр. Летописец сообщает о выступлениях князя в поход, о набегах врагов, о смерти того или иного князя, о поставлении церковного владыки, о постройке церкви, о засухе, землетрясении, о солнечном затмении, о появлении кометы и т. д. Основная черта погодной записи — ее документальность;
- ▷ летописное сказание** — литературно обработанное устное предание. Таковы сказания о первых русских князьях — Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, о князе Рюрик (варяжская легенда), о юноше-кожемяке, спасшем Русь от набега печенегов, и др.;
- ▷ летописный рассказ**, имеющий документальный характер, напр., рассказ под 1097 г. об ослеплении князя Василья Тербовльского двумя его братьями Святославом и Давыдом;
- ▷ летописная повесть** — развернутый рассказ о каком-либо событии, напр. повествование о смерти того или иного князя с элементами агиографического жанра и стили (см. **➤ Жития**);
- включенные в летописи деловые документы, напр. договоры Руси с Византией X в.

Жанровые границы между всеми типами летописного повествования весьма неустойчивы: рассказы о событиях в летописи часто включали в себя обращения князей к дружине и друг к другу, их диалоги, в них используются устойчивые речевые формулы, риторические обороты.

Возникновение древнерусского летописания относят к периоду княжения Ярослава Мудрого (1019—1054), однако летописи сохранились в значительно более поздних списках. Древнейший список (Синодальный список Новгородской первой летописи) датируется XIII—XIV вв., а древнейшая русская летопись — **«Повесть временных лет»** ← (см.), свод начала XII в., сохранилась в редакциях, основные списки которых датируются концом XIV (Лаврентьевский) и XV в. (Ипатьевский, Радзивилловский). Почти каждая летопись представляет собой свод: содержит переработанные (сокращенные или дополненные) предшествующие летописи и погодные записи о событиях последних десятилетий, принадлежащие самому летописцу. Списки летописей насчитываются сотнями, а летописные своды — десятками.

Известны южнорусские летописные своды (Ипатьевская летопись — свод об истории южнорусских княжеств и Галицко-Волынской Руси), свод Ростова Великого, Владимира и Переяславля Суздальского (Лаврентьевская и Радзивилловская летописи), новгородские летописи, псковские летописи. Древнейшим памятником новгородского летописания является Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (извод — разновидность текста). Отличительной чертой новгородских летописей является интерес к событиям новго-

родской истории, лаконизм и выразительность языка, передающего многие диалектные черты. В Пскове летописание начинается в XIII в.; это Псковские I, II, III летописи. В них содержится богатый материал по истории Псковской земли, взаимоотношениям с Новгородом, Прибалтикой и Москвой, в частности рассказы о войнах с Ливонским Орденом и Литвой, а также «Повесть о псковском князе Довмонте», «Повесть о псковском взятии» (события 1510 г.) и др. В конце XIV — начале XV в. возникает общерусский летописный свод, в начале XV в. — Новгородско-Софийский свод, в котором общерусское летописание соединилось с новгородским. В него помещены расширенные летописные повести о битве на реке Калке и нашествии Батыя, пространные редакции повестей о Куликовской битве, «Слово о житии Дмитрия Донского» и др. В XVI в. развивается московское летописание (Никоновская летопись, Воскресенская летопись, «Летописец начала царства», посвященный эпохе Ивана Грозного). При Иване Грозном создается богато иллюстрированный Лицевой летописный свод — десятитомное летописное изложение событий от «сотворения мира» до 1567 г.

Далеко не все летописи изучены и даже введены в научный оборот. Издание отдельных летописей осуществляется с середины XIX в. в серии «Полное собрание русских летописей». Методика изучения русского летописания была разработана **А. А. Шахматовым** ← (см.) и разделяется, с уточнениями и дополнениями, многими современными исследователями (М. Д. Приселков, А. А. Насонов, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, О. В. Творогов и др.).

Отрывок из «повести временных лет» по Ипатьевскому списку (XV в.), повествующий о месте киевской княгини Ольги древлянам, убившим мужа Ольги — князя Игоря (945 г.)

Ркоша же древлянѣ: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хоцемъ». И послаша древляне лучшии мужи свои, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ. И присташа подѣ Боричевомъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевскыя, и на Подолѣ не сѣдяхуть людье, но на горѣ. …И повѣдаша Олзѣ, яко древляни придоша, и възва Ольга к собѣ и рече имъ: «Добрѣ, госте, приидоша?» И ркоша древляне: «Придохомъ, княгини». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте сѣмо?» И ркоша древляни: «Посла на Деревская земля, ркущи сице: мужа твоего убихомъ, бяшесть бо мужъ твой яко волкъ, въсхыща и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревскую землю, да иди за нашъ князь за Малъ» — бѣ бо ему имя Малъ, князю деревскому. Рече же имъ Олга: «Люба ми естъ рѣчь ваша, уже мнѣ своего мужа не крѣсити, но хоцю вы почтити наутрѣя предъ людьми своими, а нынѣ идете в лодыю свою и лязьте в лодыи величающеся. Азѣ утро пошло по вы, вы же речете: „Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи“, и възнесутъ вы в лодыи». И отпусти я в лодыю. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокую на дворѣ теремскомъ внѣ города. И заутра Ольга, сѣдѣящи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же ркоша: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возѣхъ, ни пешь идемъ, но понесите ны в лодыи». Ркоша же клянѣ: «Намъ неволя: князь нашъ убить, а княгини наша хоцеть за вашъ князь», и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегбехъ въ великихъ сустогахъ гордящеся. И принесоша я на дворѣ къ Ользѣ, и, несѣше я, и вринуша въ яму и съ лодьею. И прикищи Олга и рече имъ: «Добѣра ли вы честь?» Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смѣрти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

Перевод **О. В. Творогова**

Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. … И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и спросила их: «Хорошо ли, гости, дошли?» И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?» Ответили древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: „Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойдди замуж за нашего князя за Мала“. Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, с гордостью. Утром я пошлю за вами, вы же скажите: „Не едем на конях, ни пешком не пойддем, но понесите нас в ладье“ — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пешком не иддем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК — высшая форма **национального языка** ← (см.), отличающаяся от всех других форм (территориальных диалектов, профессиональных подъязыков, жаргонов и пр.) рядом признаков: универсальностью; обработанностью; стилистической дифференцированностью; кодифицированностью.

▷ **Универсальность** литературного языка заключается в том, что он обслуживает все сферы материальной и духовной жизни общества на всей его территории; поэтому литературный язык является важнейшим фактором единства нации.

▷ **Обработанность** вытекает из первого признака: универсальной может быть только такая разновидность национального языка, которая располагает широким кругом наиболее эффективных средств, позволяющих выразить любое содержание. С этой точки зрения литературный язык — плод кропотливой, длящейся столетиями работы по отбору из всего богатства языка наиболее выразительных, экономных, содержательно емких, благозвучных средств (прежде всего лексико-фразеологических и синтаксических). Эта работа ведется всеми представителями общества, неравнодушными к родному языку: не только выдающимися художниками слова, учеными, преподавателями, юристами, режиссерами, инженерами, врачами и т. д., но и людьми без степеней и званий, которые внимательны к качеству речи.

Из универсальности вытекает и третий признак: обслуживая различные сферы материальной и духовной жизни общества, литературный язык должен располагать вариантами (разновидностями), приспособленными к этим сферам, т. е. обладать ▷ **стилистической дифференцированностью**. В каче-

стве таких разновидностей литературного языка выступают его **функциональные стили** ← (см.) — научный, публицистический, официально-деловой и др. — и их подстили (напр., научно-популярный, научно-учебный, научно-теоретический в рамках научного стиля). Как в любой разновидности национального языка, в литературном языке есть свои нормы (см. ▷ **Норма языковая**); однако, в отличие от стихийных норм других разновидностей языка, они, во-первых, наиболее разветвлены и охватывают все уровни его структуры (орфоэпические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, стилистические нормы), во-вторых, зафиксированы в словарях и грамматиках, т. е. ▷ **кодифицированы**.

Литературный язык существует как в письменной, так и в устной формах. Литературная **разговорная речь** ← (см.) — основная сфера существования устной формы литературного языка — характеризуется меньшей степенью строгости норм и даже допускает отдельные элементы **просторечия** ← (см.).

Считается, что исторически литературный язык возникает на этапах, когда период раздробленности сменяется периодом объединения национальных земель вокруг центра. **История русского литературного языка** ← (см.) подтверждает это положение: как в эпоху Киевской Руси, так и в эпоху становления Московской Руси, а позднее — Российской империи формирование литературного языка, соответствующего нуждам времени, происходит весьма активно. Литературный язык Киевской Руси значительно отличается от литературного языка Московского государства — как по степени универсальности, так и по функциям. Стилистическая дифференциация и кодификация норм в древнейшем русском литературном языке отсутствуют. Чем выше уровень развития этноса, тем в большей мере проявляются отличительные признаки литературного языка. Сходная картина наблюдается в истории многих других национальных языков.

Литературный язык не следует смешивать с **языком художественной литературы** ← (см.); отношения между ними подобны отношениям пересекающихся множеств. Литературный язык составляет основу языка художественной литературы, но последний может широко привлекать средства других форм национального языка (диалектов, профессиональных и иных жаргонов и др.), лежащие за пределами литературной нормы. Но при этом язык художественной литературы использует прежде всего общепотребительные средства литературного языка и намного реже обращается к тем его пластам, функциональным стилям и подстилям, которые обслуживают строго определенные сферы (напр., язык художественной литературы редко и, как правило, лишь в цитатах использует средства законодательного подстиля официально-делового стиля).

ЛИТО́ТА [греч. litotes ‘простота’] — явное и намеренное преуменьшение, умаление действия, предмета, явления, признака, состояния и т. п. в целях достижения большей выразительности; противоположность **гиперболы** ← (см.).

Литоты широко распространены в повседневной речи, часто носят характер устойчивых выражений: *рукой подать, денег кот наплакал, небо показалось с овчинку* и т. п. Ср. в художественной литературе: *Ваш шипи, прелестный шпич, не более наперстка* (☞ А. Грибоедов); *…талии никак не толще бутылочной шейки* (☞ Н. Гоголь); *И шествова важно, в спокойствии чинном, / Лошадку ведет под уздцы мужичок / В больших сапогах, в полушубке овчинном, / В больших рукавицах… а сам с ноготок!* (☞ Н. Некрасов). Литота по своим функциям и выразительному значению чрезвычайно близка к гиперболе.

ЛИЦО́ ГЛАГО́ЛА — **морфологическая категория** ← (см.) глагола, которая соотносит действие с участниками речевого акта. Категория лица (вместе с категориями рода и числа) уча-

ствует в оформлении согласования между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом (см. ▷ **Координация**).

Категорией лица обладают спрягаемые (личные) формы **глагола** ← (см.) в наст. и буд. времени изъявительного наклонения, а также формы повелительного наклонения.

Показателями значения 1-го, 2-го или 3-го лица служат личные окончания, которые также передают значение ед. или мн. числа.

С помощью личных форм говорящий указывает на то, кто производит действие:

- 1 сам говорящий (*читаю, люблю*) — формы 1-го лица ед. числа; говорящий и вместе с ним кто-то еще (*читаем, любим*) — 1-е лицо мн. числа;
- 2 слушающий (*читаешь, любишь*) — 2-е лицо ед. числа; собеседники (*читаете, любите*) — 2-е лицо мн. числа;
- 3 объект (объекты), предмет (предметы) обсуждения, кто-то не участвующий в разговоре (*читает, любит; читают, любят*) — 3-е лицо ед. или мн. числа.

В изъявительном наклонении категория лица имеет следующие ряды форм:

- 1 формы 1-го лица ед. и мн. числа (*пишу — пишем, говорю — говорим*);
- 2 формы 2-го лица ед. и мн. числа (*пишешь — пишете, говоришь — говорите*);
- 3 формы 3-го лица ед. и мн. числа (*пишет — пишем, говорит — говорят*).

В повелительном **наклонении** ← (см.):

- 1 формы 2-го лица ед. и мн. числа: *поговори, поговорите* (основные формы);
- 2 формы совместного действия, омонимичные формам 1-го лица мн. числа: *поговорим*;
- 3 формы 3-го лица ед. и мн. числа: *пусть поговорит, пусть поговорят*.

Личные формы наст. и простого буд. времени образуются присоединением к основе наст. (простого буд.) времени следующих окончаний: -у, -ю для 1-го лица ед. числа; -ем (-ём), -им для 1-го лица мн. числа; -ешь (-ёшь), -ишь для 2-го лица ед. числа; -ете (-ёте), -ите для 2-го лица мн. числа; -ет (-ёт), -ит для 3-го лица ед. числа; -ут (-ют), -ат (-ят) для 3-го лица мн. числа. Различия в окончаниях определяются принадлежностью глагола к I или II **спряжению** ← (см.).

Некоторые глаголы имеют определенные ограничения при образовании форм лица. Не имеют форм 1-го лица ед. числа ▷ **недостаточные глаголы** *победить, убедить, очутиться, ерундировать, окрыситься, прослезиться, чудить, бдеть, галдеть, дудеть, шеглестеть* и др. (по той причине, что согласные *д, т, з, с* и сочетание *ст* должны чередоваться здесь с шипящими *ж, ч, ш, ц*, а осуществление этих чередований нередко приводит к неблагозвучию (*очутиться* — *очучусь) или к нежелательным ассоциациям с другим корнем: *победить* — **побежу, окрыситься* — *окрышусь), *дерзнуть* и *бузить* (из-за возможного совпадения с формой 1-го лица ед. числа глаголов *держать* и *будить*). Не употребляются в 1-м и 2-м лице глаголы, значение которых не допускает возможности осуществления действия участниками речевого акта: *телиться, жеребиться, зеленеть, осыпаться, мерцать, ржаветь, близиться* и т. п.

Наряду с недостаточными глаголами в языке существуют глаголы, которые имеют не одну, а две системы личных форм (▷ **избыточные**, или ▷ **изобилующие, глаголы**): *брызгать* — *брызгаешь* и *брызгаешь*, *мучить* — *мучишь* и *мучаешь*, *махать* — *машешь* и *махаешь*, *полоскать* — *полощеши* и *полоскаешь* и др. Различие между этими формами или стилистическое (*машешь, полощеши* — нейтральные; *махаешь, полоскаешь* — разговорные), или смысловое (*брызгаешь* — разбрызгиваешь, извергаешь брызги; *брызгаешь* — опрыскиваешь).

Глагольные формы прош. времени и сослагательного наклонения не выражают категории лица: *я, ты, он играл (смог бы)*. Отношение действия к участникам речевого акта выражается в данном случае с помощью личных местоимений. Об исторических причинах этого см. ➤ **Глагол в истории русского языка**.

В определенных контекстах личные формы употребляют­ся в переносном значении (см. ➤ **Время глагола**. Дополнитель­ный очерк. **Переносное употребление глагольных форм**).

Особую группу глаголов составляют **безличные глаголы** ◀ (см.), которые по лицам не изменяются.

См. также ➤ **Личные местоимения**.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ — разряд местоимений, обладающих **морфологической категорией** ◀ (см.) лица. Личные местоимения распадаются на две группы: ▷ **собственно личные местоимения** и ▷ **несобственно личные местоимения**. Первые обозначают лиц (людей), занятых в процессе речевого обще­ния: **Я прошу тебя выполнить просьбу матери**. Несобственно личные местоимения обозначают либо лиц, не принимающих в данный момент прямого участия в процессе речевого общения (*Передай ему, что я хочу его видеть*), либо вообще не лиц (людей): *Вчера купил часы. Они оказались бракованными*.

Собственно личные местоимения — местоимения 1-го и 2-го лица. 1-м лицом ед. числа (*я*) обозначает себя говорящий, автор сообщения. 2-м лицом ед. числа (*ты*) говорящий обозна­чает слушающего (собеседника), непосредственного адресата сообщения. 1-м лицом мн. числа (*мы*) обозначает себя говоря­щий в сочетании с другими лицами, как участвующими, так и не участвующими в данный момент в процессе коммуникации. 2-м лицом мн. числа говорящий обозначает адресатов сообще­ния, либо адресата / адресатов в совокупности с другим / дру­гими лицами.

Несобственно личные местоимения (местоимения 3-го лица), в отличие от собственно личных местоимений, употре­бляются практически только в заместительной (анафориче­ской) функции (см. ➤ **Местоимение**), отсылая к ранее названным лицам и не лицам (предметам, явлениям): *А Гильоме, француз, подбитый ветерком? Он не женат еще?* (Л. Грибоев); *Взбе­жали по лестнице, в кухне сняли пальто и повесили их на дверь* (Л. Добычин); *Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, — перебил муж, — вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь. Оно дело выгодное-с* (Ф. Достоевский).

Личные местоимения употребляются и в неосновных своих значениях, в том числе переносных. *Вы* вместо ты харак­терно для вежливого обращения. *Мы* «авторское» вместо я упо­требляется в письменной речи: *Мы отмечали в своей статье...* Говорящий — это одна из ролей человека в ситуации речи, говорящий может «примеривать» на себя роли слушающего и лица, не участвующего в акте речи. «Солидарное» *мы* (вместо *ты* или *вы*) употребляется для создания эффекта соучастия в действиях собеседника / собеседников: *Что будем есть?; Как мы себя чувствуем? Ты* употребляется в значении *я*, а *он (она, они)* — в значении *ты* или *вы*: *Ты тут крутишься день и ночь, а он знай себе чаи гоняет. Ты, вы* (реже *мы, я*) используются в обобщенно-личном значении (т. е. указывают на лицо вообще, на любого человека): *Так часто человек в расчетах слеп и глул. За счастьем, кажется, ты по пятам несешься: А как на деле с ним сочтешься — Попался, как ворона в суп!* (И. Крылов); *Странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме; даже комфорт вас не радует* (И. Тургенев).

Личные местоимения коррелируют (соотносятся) с **лицом глагола** ◀ (см.). Однако эта корреляция неполная. Глаго­лы свободно выражают значение «безличности» (*светает, не спится, колет в боку, потеплело* — см. ➤ **Безличные глаголы**) и неопределенно-личное значение (*говорят / говорили, что...* — см. ➤ **Неопределенно-личные предложения**). «Безличного» место-

имения в русском языке нет, а неопределенно-личное значение может передаваться личными местоимениями ограниченно и лишь в рамках разговорного стиля: *И что они там в министер­стве думают?*

Количество личных местоимений русского языка — во­прос дискуссионный. Одна точка зрения состоит в том, что их три: *я, ты, он. Мы и вы* рассматриваются как формы мн. чис­ла соответственно местоимений *я* и *ты. Она, оно* — как фор­мы ж. и ср. рода, а *они* — мн. числа местоимения *он*. Согласно другой точке зрения, свойственной главным образом учебной литературе (в том числе школьной), *я, ты, мы, вы, он, она, оно, они* — самостоятельные слова. Говорить о безусловном преимуществе одной из этих точек зрения над другой нельзя. Есть аргументы в пользу как одной позиции, так и другой. Так, обычное для школьной литературы утверждение, что *вы* — это «не много *ты*», верно только отчасти: вполне обычным слу­чаем употребления *вы* является именно «много *ты*»: (*Вы как думаете, товарищи? Давайте решим, — обратился он к сидя­щим за столом. Н. Островский*). Наибольшие основания для признания формами одного слова имеются у ряда *он, она, оно, они*, поскольку в заместительной (анафорической) функции род и число этих форм автоматически воспроизводит род и число замещаемых слов.

Собственно личные местоимения относятся к местоимениям-существительным, несобственно личные со­четают в себе свойства местоимений-существительных и местоимений-прилагательных (см. ➤ **Местоимение**).

Все личные местоимения характеризуются числом. При трехкомпонентой трактовке их состава личные местоимения рассматриваются как изменяемые по числу, при восьмиком­понентной — как выступающие в форме лишь одного из двух чисел.

Род безусловно приписывается только местоимению / местоимениям *он / он, она, оно*. Трактовка изменяемости / не­изменяемости по роду зависит от того, рассматривается ли ряд *он, она, оно* как одно или как три слова. По поводу родовых ха­рактеристик местоимений *я* и *ты* мнения расходятся. Согласно одной точке зрения данные местоимения родом не характеризуются, поскольку, в частности, род не находит морфологического выражения (с помощью специальных морфем — окончаний, суффиксов). В соответствии с другой точкой зрения *я* и *ты* ха­рактеризуются ▷ **общим родом** (см. ➤ **Род существительных**).

Одушевленность свойственна всем личным местоимениям: форма вин. падежа как мн., так и ед. числа личных местои­мений совпадает с формой род. падежа: *ты — тебя, вы — вас, он — его, они — их* (см. ➤ **Одушевленные и неодушевленные суще­ствительные**).

Падежные формы личных местоимений (за исключением падежных форм местоимения *вы*) являются ▷ **супплетивными** (см. ➤ **Форма слова морфологическая**): *я — меня, мною; мы — нас, нами* и т. д.

В косвенных падежах у местоимения *он (она, оно, они)* при сочетании с непроизводными предлогами начальный звук [й] заменяется на звук [н]: *к нему, о ней, у них*. При сочетании с производными предлогами в одних случаях замена происходит (*вокруг него, против них*), в других — не происходит (*навстречу ему, благодаря им*).

ЛОГИЧНОСТЬ РЕЧИ — качество речи, благодаря нали­чию которого содержание высказываний оказывается непроти­воречивым (т. е. ни одно из высказываний не опровергает дру­гого) и не искажающим действительности. Логичность речи, обеспечивающая ее смысловую полноценность, убедительность и понятность, складывается из ▷ **логичности рассуждения** и ▷ **логичности изложения**. Различают также ▷ **предметную логичность**, т. е. соответствии смысловых связей между фраг-

ментами речи связям между явлениями в реальной действи­тельности, и ▷ **понятийную логичность**, которая формируется правильным построением и развитием мысли, смысловой свя­зью каждого следующего высказывания с предыдущим.

Наиболее значимыми для качества речи являются сле­дующие законы логики.

1 ▷ **Закон тождества**, диктующий, что в разных высказы­ваниях (или в разных частях высказывания) об одном предмете этот предмет должен быть тождествен самому себе. Нарушение закона тождества приводит к подмене понятия, напр., когда неверное умозаключение строится на разных значениях слова: *Материя вечна. Сукно — ма­терия. Сукноечно*, когда означющее (слово) подменя­ется означаемым (предметом): *Человек состоит из трех слогов; Жизненным предназначением М. Е. Салтыкова-Щедрина было донесение до народных масс всего того, что происходит вокруг: несправедливости, лицемерия, под­лости и непонимания людьми друг друга* (из сочинения); *Справка. Выдана гр-ну Исаченко Т. А. в том, что он оши­бочно родился в 1918 году. Справка дана для определения возраста*.

В рассуждении нельзя подменять один тезис другим, даже если они косвенно связаны, напр.: *Школьники жалуются на перегрузки! Какие у них могут быть перегрузки? Вот я, напри­мер, после школы еще с родителями в поле работал! И то не жало­вался!* Здесь тезис о перегрузке подменяется утверждением, не имеющим отношения к современной ситуации в школе.

2 ▷ **Закон непротиворечия**, согласно которому два несо­вместимых друг с другом суждения не могут быть одно­временно истинными; по меньшей мере одно из них ложно, напр. в такой фразе: *Во-первых, я твоей книги не брала, а во-вторых, положила ее на место; Мы, нижепод­писавшиеся под актом от 5.11, подтверждаем, что мы под ним не подписывались* (из объяснительной записки). Нарушение закона непротиворечия выразительно обы­грывается в романе И. С. Тургенева «Рудин»: — *Прекрасно! — промолвил Рудин. — Стало быть, по­вашему, убеждений нет?*

— *Нет и не существует.*

— *Это ваше убеждение?*

— *Да.*

— *Как же вы говорите, что их нет. Вот вам уже одно, на первый случай.*

3 ▷ **Закон достаточного основания**, в соответствии с кото­рым утверждение признается истинным, если оно имеет достаточное основание. Таким основанием могут быть убедительные аргументы, которые учитывают максимум фактов, относящихся к делу, а может быть, и личный или общественный опыт (напр., вещественные доказательства преступления, исторические факты, закономерности, установленные наукой, ранее доказанные и непровер­гнутые). Логичность доказательства обеспечивается не только составом аргументов, но и корректным обобще­нием, основанным на достаточном количестве фактов. Недостаточные и неистинные аргументы часто приво­дят к ложным умозаключениям, напр.: *Слова «играть», «игриво», «играя» не имеют окончаний — значит, это деепричастия*. Это неверное утверждение возникло на основе неистинного аргумента: *Слова, не имеющие окон­чаний, являются деепричастиями*. Дело в том, что отсут­ствие окончаний, во-первых, не является единственным свойством деепричастий, а во-вторых, не является свой­ством исключительно деепричастий.

Аргумент не может быть равен тезису, что афористично выражено во фразе *Этого не может быть, потому что не мо­жет быть никогда*.

Отступления от правил логической аргументации делат­ся на неумышленные (▷ **логические ошибки**) и умышленные (уловки, или ▷ **софизмы**, используемые для ▷ **речевого мани­пулирования** — см. ➤ **Речевое поведение**).

Логические ошибки возникают по разным причинам: из­за незнания предмета, неумения мыслить аналитически, излиш­ней эмоциональности, непродуманности авторской концепции. Все это часто приводит к игнорированию или искажению фак­тов, смешению причинно-следственных отношений, выстраи­ванию ложных аналогий, бессистемности изложения.

Человек, не умеющий или не желающий приводить убе­дительные аргументы в тех случаях, когда они необходимы, не­редко пытается упростить ситуацию, подтверждая свои слова не логикой, а обращением к авторитетным высказываниям (*Кит не рыба, а животное, потому что мама так сказала*), к мнению общества (*Все знают, что от сладкого полнеют*) и т. д.

Логичность речи достигается не только соблюдением правил аргументации, но и грамотным использованием языко­вых средств, обеспечивающих **точность речи** ◀ (см.). Напр., от­ступлением и от точности, и от логичности считаются смешение родовых и видовых отношений в перечислительном ряду (*В саду выросли бархатцы, маки, левкои, цветы*), нарушение правил ▷ **корреферентности**, т. е. соотнесения элементов высказывания с обозначаемым объектом действительности. Корреферентность нарушается, в частности, при смешении прямой речи с косвен­ной (*Когда Татьяна встретила Онегина на балу, то сказала, что я другому отдана*), при ошибочном соотнесении подлежащих со сказуемыми (*Кактус упал на kota и взвыл от боли*), при упо­треблении деепричастного оборота, не относящегося к подле­жащему (*читая книгу, собака сидела рядом со мной*), при упо­треблении местоимения *свой*, отнесенного не к тому субъекту, который обозначен подлежащим (*Министр обороны освободил командующего флотом от своей должности*), при двусмыслен­ном отнесении местоимения 3-го лица не только к тому слову, которое предполагается логикой высказывания (*Герасим очень волновался, потому что это был приказ барыни, а потом пошел и сам от нее избавился*) и т. п.

Логические ошибки в речи приводят к бессмысли­це, абсурдности и комичности обнаруживаемых причинно-следственных связей, родо-видовых, временных и др. отноше­ний: *Толстой несколько раз переделывал «Войну и мир», чтобы нам было легче ее изучать; Роман «Евгений Онегин» написан в стихах, и за это мы с одноклассниками очень сильно уважаем Пушкина; Умер М. Ю. Лермонтов на Кавказе, но любил он его не поэтому; Лермонтов родился у бабушки в деревне, когда его ро­дители жили в Петербурге; Наташа была в восторге от русской кухни, а в особенности от звуков русской балалайки; Живи Пуш­кин, ему исполнилось бы 200 лет* (Из школьных сочинений).

Нарушение логики в художественной литературе вы­полняет разнообразные функции. Нелогичная речь может быть средством характеристики персонажа, среды, ситуации, создавать при этом и комический, и трагикомический эффект. Разнообразные примеры нелогичности можно найти в произ­ведениях Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Че­хова, А. П. Платонова, В. В. Маяковского и др. Сюжет рассказа В. М. Дорошевича «Дело о людоедстве» описывает тяжелые последствия двусмысленной синтаксической конструкции: *Сего числа в управление участка был доставлен в бесчувственно пья­ном виде неизвестный человек, по наружным признакам купече­ского звания, который, ходя по базару, бесчинствуя и раскидывая у торговков грибы и топча соленые грузди ногами, похвалялся, что он ел тифог с околоточным надзирателем. Ввиду чего про­езжавшим казачьим патрулем и был задержан по подозрению в людоедстве*.

Нелогичность речи признается внутренним свойством поэтического языка. Поэтическая выразительность часто соз-

дается именно неожиданными ассоциациями, парадоксальными сближениями, переосмыслением причинно-следственных связей и многими другими отступлениями от логики и здравого смысла.

Именно нелогичность ситуаций и нелогичность речи, изображающие мироустройство как абсурдное, стали основой творчества обэриутов — представителей литературного направления, к которому принадлежали Д. Хармс, А. И. Введенский, Н. М. Олейников и некоторые другие.

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить.

✍ Д. Хармс. *Голубая тетрадь*. № 10

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

(о пьесе А. Н. Островского «Гроза»)

Когда я первый раз прочитала эту пьесу, то сначала мне стало ее жаль, но потом я поняла, что она это заслужила. По-моему, причина трагической гибели Катерины в том, что она рано родилась. Катерину выдали замуж за семью Кабановых, но она становится белой вороной в этом гнезде. Она не видит никаких мужских признаков ни в Тихоне, ни в Борисе. Ее задавили природа, муж, свекровь, гроза. Гроза — самостоятельный герой. Она не зависит даже от Кабанихи. Катерина все равно умерла бы. Если не сама, то все равно кто-нибудь сделал бы это за нее. Большое спасибо людям, окружающим ее: не ее это было место, и она ушла...

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711—1765) — русский ученый, специалист в различных областях знания, поэт, художник. Родился в Архангельской губернии, учился в Москве в Славяно-греко-латинской академии, в университете при Петербургской АН, в учебных заведениях Германии. Жил и работал в основном в Петербурге. Профессор (академик) Петербургской АН (1745), почетный член Стокгольмской и Болонской академий. Один из авторов проекта создания Московского университета.

Для истории русского языкознания, как и для истории русского литературного языка, Ломоносов — ключевая фигура. Основное значение его деятельности состоит в том, что она окончательно закрепляет в России ту языковую ситуацию, которая несколько ранее (в эпоху Возрождения) получила распространение в Европе. Это значит, что в России в качестве **литературного языка** < (см.), т. е. языка, наделенного культурным достоинством и социальным престижем, утверждается общепонятный и общераспространенный, основанный на живом употреблении язык в отличие от языка традиционной книжности и религиозного культа, иначе говоря — собственно русский язык в отличие от **церковнославянского языка** < (см.).

Главное дело Ломоносова в этой области — создание научных трудов, написанных на русском языке и предназначенных для русского читателя, которые содержали полное и систематическое описание, с одной стороны, грамматического строя русского языка («Российская грамматика», 1757; на титульном листе обозначен 1755 — год окончания работы над рукописью) и, с другой стороны, закономерностей построения русского текста («Краткое руководство к красноречию», 1748, иначе — «Риторика»). Это были не первые **грамматика** < (см.)

и **риторика** < (см.), написанные в России. К середине XVIII в. здесь уже сложилась достаточно прочная традиция составления грамматических и риторических руководств. Однако это были прежде всего грамматики церковнославянского языка, написанные по-церковнославянски; самая знаменитая — грамматика **Мелетия Смотрицкого** < (см.). В 1-й половине XVIII в. появлялись и грамматики русского языка, но в основном это были лишённые существенного научного значения учебники, написанные на иностранных языках (и большей частью иностранцами) и предназначенные для изучения русского языка как неродного. Математик и филолог В. Е. Адогуров создал в конце 1730-х гг. грамматику русского языка на русском языке; однако в России она не была издана (и о полном ее составе мы можем судить лишь предположительно); в рукописи с ней были знакомы немногие (Ломоносов, видимо, ее не знал). Риторика, появившиеся в России с XVII в., были рукописными и содержали церковнославянский или латинский языковой материал. Таким образом, труды Ломоносова — это первые полноценные печатные научные работы (впоследствии неоднократно переиздававшиеся), обращенные непосредственно к русской образованности и предлагавшие описание живого родного языка и в аспекте его внутреннего устройства (грамматика), и в аспекте его претворения в текст (риторика). Нам сейчас довольно трудно представить, насколько великим было это европейское открытие, в XVIII в. совершенное и в России, — обнаружение в «низкой» (разговорной) речевой стихии Грамматики и Риторика, т. е. упорядоченного строя, правил, нормы — всего того, чем традиционно наделялись только «высокие» языки: латынь в Европе или церковнославянский язык в России. Для формирования основ национальной культуры и становления национального литературного языка это открытие имело принципиальное значение.

Центральное место в филологическом наследии Ломоносова занимает «Российская грамматика». Она строится по традиционной схеме, берущей начало в античности: основное место отведено в ней характеристике различных частей речи (их у Ломоносова восемь — опять-таки согласно традиции). Многие перенимая у Мелетия Смотрицкого (в том числе и в терминологии), Ломоносов в то же время внедряет в свой труд и популярные в XVIII в. европейские идеи универсальной грамматики (см. > **История языкознания**). Грамматика Ломоносова замечательна широтой охваченных и описанных языковых явлений. Сохранились и опубликованы черновые материалы к грамматике, демонстрирующие, что Ломоносов в своей работе опирался на анализ обширного круга наблюдаемых речевых фактов, причем не только книжных, но и в значительной степени народно-разговорных. Грамматика исключительно богата языковыми примерами. С небывалой дотоле широтой представлены характеристики русского **словоизменения** < (см.) и **словообразования** < (см.), особенно в отношении имени существительного (напр., подробно рассмотрено появление **беглых гласных** < (см.) при склонении существительных). Описано явление **языковой вариантности** < (см.); причем некоторые формы фиксируются в грамматической традиции впервые. Напр., Ломоносов приводит наличие вариантных окончаний у существительных в род. падеже (*повода* и *поводу*), пр. падеже (*о поводе* и *на поводу*); в тв. падеже (*избой* и *избою*), в им. падеже мн. числа (*береги* и *берега*) и другие. При этом Ломоносов пытается выявить смысловые и стилистические факторы, влияющие на выбор того или иного варианта; напр., указывает, что окончание -у в род. падеже свойственно существительным с вещественным и собирательным значением (*квасу*, *палку*) и, кроме того, характерно для живой речи в отличие от книжного окончания -а в той же форме (*человеческого долга*, но *прошлогоднего долгу*). Именно Ломоносов установил в своем труде принцип совмещения описательной и нормативной грамматики: его «Российская грамматика»

не только описывает, но и предписывает, рекомендует и запрещает. Напр., известная ошибка в употреблении деепричастного оборота, которая часто иллюстрируется фразой из юмористического рассказа А. П. Чехова «Жалобная книга»: *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа*, впервые была описана и охарактеризована как нежелательный речевой недочет Ломоносовым. «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют», — писал он, приводя в пример ошибочно построенную фразу: *Идучи я в школу, встретился со мною приятель*. Таким образом, «Российская грамматика» заложила основы русской академической грамматической традиции, которая всегда поддерживала нормативный аспект в описании языка.

Последняя филологическая работа Ломоносова — «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758). В ней ученый применил к русско-церковнославянскому лексическому составу широко известную теорию трех стилей, восходящую к античным риторикам (о содержании работы Ломоносова см. > **Теория трех стилей**), тем самым предложив теоретическое решение проблемы взаимоотношения церковнославянской (книжной) традиции и нового русского литературного языка. Эта проблема остро стояла перед деятелями русской культуры XVIII в. Так, В. К. Тредиаковский в разные периоды жизни отстаивал противоположные тезисы: сначала он писал о том, что новый литературный язык должен отказаться от церковнославянского наследия и ориентироваться исключительно на разговорную, т. е. собственно русскую речь, а впоследствии утверждал, что церковнославянский язык по природе тождествен русскому языку и должен стать лексической основой нового литературного языка. Принципы отбора слов в живой литературный язык, установленные Ломоносовым, были иными. Они предполагают, что новый литературный язык открыт не только для стилистически нейтральных слов, но и для специфически церковнославянских, как и для специфически русских элементов. При этом в него не допускаются, с одной стороны, неупотребительные и непонятные архаизмы, а с другой — вульгарные и грубые слова. В текстах определенного жанра генетически разнородные, восходящие к разным словесным традициям компоненты (как славянизмы, т. е. слова, связанные по происхождению с церковнославянским, книжным, «высоким» языком, так и разговорные элементы, связанные с собственно русским языком, живой, народной — и в этом смысле «низкой», речевой стихией) должны, по мысли Ломоносова, сочетаться в разных пропорциях, образуя новое единство — единство стили (высокого, среднего или низкого). Именно эти принципы и были реализованы в ходе окончательного сложения современного русского литературного языка. Усвоение русским литературным языком значительной части церковнославянских слов и словообразовательных элементов обеспечило его отличное качество — своеобразную двухмерность, то есть наличие синонимических способов выражения, с одной стороны, для конкретно-бытового содержательного плана, а с другой стороны — для абстрактного или поэтически-возвышенного (ср., напр.: русские слова *перегородка*, *дерево* и церковнославянские по происхождению *преграда*, *древо*). Этой развернуто реализованной двухмерностью русский литературный язык отличается в том числе и от близкородственных языков.

Велики заслуги Ломоносова в области формирования национальных основ словесной эстетики. Речь идет прежде всего о создании национальной формы русского стиха, которая, по мнению Ломоносова, должна быть построена «по природному нашему языка свойству». Под этим природным свойством Ломоносов понимал особенности русского словесного **ударения** < (см.) и — наряду с Тредиаковским, но более решительно, чем Тредиаковский, — в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739) выступил основателем но-

вых (тонических) принципов русского стихосложения, которые предполагают упорядоченность ударных и безударных слогов в стихе (см. > **Стихотворная речь**). Эта стихотворная реформа радикально преобразовала звучание русского стиха и определила закономерности его развития вплоть до современной эпохи. Символично, что написанная четырехстопным ямбом «Ода на взятие Хотина» Ломоносова, призванная проиллюстрировать новые правила стихосложения, дала образец самой популярной стиховой формы в русской поэзии за все время ее существования. *Восторг внезапный ум пленил, / Ведет на верьх горы высокой...* — вот знаменитое начало этой оды, и это самый распространенный стихотворный размер в русской словесности.

Ярким своеобразием отмечен поэтический, прежде всего одический, стиль Ломоносова. Он призван отразить эмоциональный подъем особой, поэтической, природы, называемый «лирическим восторгом» или «восхищением» (устремлением вверх). Для ломоносовского языка характерна насыщенность **тропами** < (см.) и **фигурами речи** < (см.), энергичная метафоричность, гиперболизм образов, предельная интенсивность в описании действий и признаков, неожиданное столкновение слов, композиционный и смысловой контраст. Напр., в «Вечернем размышлении о Божием величестве» (1743) смятение лирического субъекта, стремящегося постичь необъятность Вселенной, всемогущество Господа и пределы человеческого разума, передается, в частности, через нагнетание сначала сравнений, каждое из которых внутри себя содержит противопоставленные по ряду признаков понятия (*Песчинка как в морских волнах, / Как мала искра в вечном льде, / Как в сильном вихре тонкий прах, / В свирепом как перо огне...*), а затем вопросов и восклицаний, в том числе риторических, содержащих **оксюмороны** < (см.) и метафоры (*Не льдисты ль мещут огонь моря? / Се хладный пламень нас покрывает! / ... Как может быть, чтоб мерзлый пар / Среди зимы рождает пожар?*). По мнению **Г. О. Винокура** < (см.), Ломоносов строил поэтический язык по принципу противопоставления его «прочим видам речи посредством отрыва языка поэзии от языка общего».

Поэтический стиль Ломоносова и при его жизни, и позже критиковался за насыщенность, неуместную высокопарность, отсутствие простоты и смысловой ясности и породил многочисленные пародии. Однако именно Ломоносов стал первым русским светским писателем, чьи произведения воспринимались обществом как речевой образец. Иными словами, после Ломоносова стало возможно говорить о появлении в русской культуре принципа персонализированной образцовости в области словесности. Это является существенным обстоятельством для формирования новой русской культуры европейского типа, поскольку именно этот принцип был актуален для молодых новоевропейских культур, обретавших в ходе усвоения идеологии Возрождения национальную самоидентичность (такова, напр., символическая роль Данте для итальянской культуры). Он противопоставлял новоевропейские культуры старому, средневековому типу культуры, где значим был принцип авторитетности текста в его обезличенности — авторитетности текста, но не автора. Символом новой, национально ориентированной русской словесности Ломоносов стал осознаваться очень рано: уже в 1747 г. А. П. Сумароков писал о Ломоносове: «Он наших стран Мальгерб [Малерб], он Пиндару подобен». В «Словаре Академии Российской» (1789—1794) — первом академическом толковом словаре русского языка (см. > **Толковые словари**) — подавляющее большинство иллюстраций из светской литературы приведено именно из произведений Ломоносова. «Ломоносов был Петром Великим нашей литературы», — писал В. Г. Белинский. Это уподобление не случайно. Преобразователь и родоначальник национальной словесности — вот характеристики Ломоносова, живущие в памяти русской культуры до сих пор, несмотря на то что позднее эти символические функции в значительной степени перешли к фигуре А. С. Пушкина.